РАЗСКАЗЪ ЛЕЗГИНЦА АСАНА

О ПОХОЖДЕНІЯХЪ СВОИХЪ.

ПИСАНО СО СЛОВЪ РАЗСКАЩИКА

В. И. ДАЛЕМЪ

Я родомъ изъ лезгинъ, изъ города Кубы, гдѣ отецъ мой проживалъ съ малыхъ лѣтъ. Его звали Маймадъ–али, а мать Огланъ–бажи; насъ, дѣтей, было у нихъ четверо: два сына и двѣ дочери. Родители мои меня очень любили; помню, что и они и посторонніе люди называли меня ребенкомъ добрымъ и щедрымъ, потому что я всегда жалѣлъ о другихъ, но и бранили меня за горячность мою и упрямство, когда я вступался за свою или чужую обиду, либо когда хотѣли принудить меня къ чему силой. Обыкновенно я бывалъ робокъ до наказаній и страхъ не любилъ ихъ; но когда

меня наказывали понапрасну или по одной только злобѣ на меня, то я оставался дерзкимъ и непокорнымъ.

Отецъ мой, по давнишней, семейной ссорѣ, убилъ одного кубинца по имени Сафарбека, почему и вынужденъ былъ скрываться у горцевъ Дагестана, оставивъ семейство свое въ селенiи Мангуликендъ, неподалеку Кубы. Скитаясь по лѣсамъ, иногда только провѣдывалъ онъ насъ; а я носилъ ему въ лѣсъ пищу. Жители Мангуликенда большею частiю знали объ этомъ, но, по заведенному обычаю, не мѣшались въ это дѣло и отца моего не выдавали. Напослѣдокъ такая жизнь отцу надоѣла, и онъ сталъ просить старшинъ мангуликендскихъ, чтобы его помирить съ врагами его, тремя братьями убитаго имъ Сафарбека, которые, однако же, не только не согласились на это, но, узнавъ при семъ случаѣ, что отецъ мой скрывается близъ селенiя, стали его искать. Возвращаясь однажды вечеромъ отъ отца — а мнѣ тогда было восемь лѣтъ,— съ посудою въ рукахъ, въ которой носилъ ему пищу, я вдругъ

встрѣтился съ тремя заклятыми кровоместниками, врагами моего отца. Къ счастію, я отдыхалъ при тропинкѣ, когда ихъ увидалъ, и хотя не могъ уже спрятаться, но успѣлъ засунуть посуду въ траву, а самъ всталъ и пошелъ спокойно своимъ путемъ. Они остановили меня и начали допрашивать: чей я сынъ, откуда иду, зачѣмъ ходилъ въ лѣсъ. Я сказалъ, кто я, хотя они это и знали, вѣроятно, безъ того, и говорилъ, что мать посылала меня къ теткѣ, въ другую деревню. Одинъ изъ нихъ, подозрѣвая иное, выхватилъ кинжалъ, приставилъ его къ груди моей и требовалъ, чтобы я во всемъ сознался, прибавивъ еще: «все равно, не попался отецъ, такъ попался сынъ.» Испугавшись, я схватилъ рукой остріе кинжала и больно обрѣзалъ себѣ руку; другой братъ Сафарбека остановилъ его, сказавъ: «постой, не рѣжь: онъ все скажетъ.» Я также сталъ увѣрять, что скажу все, а они, допрашивая меня, сдѣлали мнѣ еще нѣсколько легкихъ ранъ въ груди. Я остался, однако же, при своемъ показаніи,

что теперь ходилъ къ теткѣ, но сознался, что отецъ мой, точно, скрывается поблизости въ лѣсахъ, назвавъ при этомъ, впрочемъ, не то мѣсто, гдѣ онъ теперь находился. Побившись со мною и не вывѣдавъ ничего больше, они сжалились на плачъ мой и послушались старшаго брата своего, который сказалъ: «оставьте его, онъ глупый мальчишка, не стоитъ рукъ марать; отецъ его отъ насъ не уйдетъ.» Дома мать меня обмыла, потому что я весь былъ въ крови, и перевязала мою руку.

На другой день отецъ мой, узнавъ объ этомъ, пришелъ самъ въ селенiе и, собравъ стариковъ, говорилъ съ ними долго, убѣждая ихъ опять помирить его съ братьями Сафарбека. Разсудивъ, что отецъ мой уже много лѣтъ странствуетъ по чужимъ мѣстамъ, по горамъ и лѣсамъ, за проступокъ молодости своей, въ которомъ онъ былъ и не очень виноватъ, старики сжалились надъ нимъ, приложили все старанiе свое и убѣдили кровоместниковъ принять подарки и ударить по рукамъ на мировую. Въ знакъ этой новой дружбы,

они, по нашему обычаю, взяли отца моего къ себѣ въ гости, на два мѣсяца, и держали его какъ самаго близкаго и роднаго человѣка. Послѣ этого срока перешли мы спокойно жить на свое старое мѣсто, въ деревню Гадазихоръ. Два года жили мы садомъ и пашней своей, безъ всякихъ приключенiй; но на третiй сдѣлалось тревожно, и очередь доходила уже до меня, потому что я подросталъ: мнѣ было уже одиннадцать лѣтъ.

Въ Гадазихорѣ была мельница, на канавѣ, пущенной изъ рѣчки Гусарчай. Водой изъ этой рѣчки пользовалось много жителей, и оберегали ее общими силами, поддерживая, гдѣ нужно, плотины. Случилась дружная весна, вода была бойкая, и надо было, не упуская времени, запрудить прорывъ. Жители того селенiя, гдѣ мы жили прежде, Мангуликенда, пришли для прудки и просили помощи отъ нашихъ; у насъ народъ весь почти былъ въ полѣ, помощи не дали, а тѣ, человѣкъ до двухсотъ, послѣ долгой ссоры, начали съ досады и злости ломать мельницу.

Отчаянный мельникъ, выйдя изъ себя при такомъ раззореніи, выбѣжалъ съ молоткомъ въ рукахъ, ударилъ имъ одного человѣка въ лобъ и убилъ его на мѣстѣ. Съ этого началась драка, на которую изъ нашей деревни, Гадазихора, сбѣжались всѣ, кто былъ дома, и тутъ было убито и ранено много людей. Я въ это время купался съ нѣсколькими товарищами въ канавѣ, и мы также прибѣжали на крикъ и драку, изъ любопытства; насъ было пятеро малыхъ да двое взрослыхъ. Увидавъ, что тутъ дѣлается, ребятишки разбѣжались, а двое большихъ, замѣтивъ, что сторожъ изъ ближняго сада, не утерпѣвъ, также прибѣжалъ на драку, отправились въ садъ этотъ воровать плоды. Между тѣмъ, такъ какъ нашихъ было мало, то они и не могли одолѣть мангуликендцевъ, а оставили на мѣстѣ пять убитыхъ и одного тяжело раненаго, который въ свалкѣ упалъ въ канаву. Увидавъ его, непріятели наши стали его рубить. Мнѣ стало досадно и жаль своихъ: я схватилъ желѣзную лопатку и ударилъ изо всей силы въ голову одного

изъ тѣхъ, которые добивали раненаго. Мнѣ было тогда одиннадцать лѣтъ. Они меня схватили, узнали, кто я, потому что я жилъ прежде въ деревнѣ; они дивились смѣлости моей, называли молодцомъ, а, между тѣмъ, держали меня и хотѣли бить. Я плакалъ и кричалъ отъ злости и кусалъ руки ихъ зубами, а они меня уговаривали, то смѣялись, то опять стращали; между тѣмъ, драка кончилась, всѣ разошлись по домамъ, позабывъ, что пришли для нужной работы, а я вырвался, и за мною не стали гнаться. Женщины, стоявшія издали, видѣли все это и видѣли также, что двое взрослыхъ ушли въ это время на воровство; поэтому вечеромъ всѣхъ насъ привели на сходку стариковъ, меня хвалили и учили впередъ всегда такъ дѣлать, а тѣмъ наплевали въ глаза и прогнали. Одинъ изъ нихъ долго отпрашивался, чтобъ его не безчестили, и хотѣлъ за это итти мстить непріятелямъ нашимъ; но старики не захотѣли его простить. Онъ послѣ хотѣлъ съ досады утопиться, и только сестра упросила его не дѣлать этого, а лучше убить кого нибудь

изъ мангуликендцевъ: тогда–де съ него снимутъ безчестіе.

Наши положили на совѣтѣ, чтобъ признавать мангуликендцевъ врагами своими и мстить имъ за кровь кровью. Между тѣмъ, трое изъ вышедшихъ на работу отстали отъ прочихъ, прошли горой, не видали никого изъ своихъ и потому, ничего не зная о бывшей дракѣ, пришли въ нашу деревню. По знакомству съ нами, они зашли къ моему отцу. Отецъ сказалъ имъ, что сдѣлалось, и потому не велѣлъ выходить изъ дому до ночи; но ихъ уже видѣли и тотчасъ разсказали по деревнѣ, что отецъ мой скрываетъ у себя въ домѣ непріятелей, которыхъ надо выдать. Народъ собрался и прислалъ къ отцу сосѣдей нашихъ, чтобы онъ сейчасъ тѣхъ выдалъ. Отецъ сталъ просить посланныхъ, представляя имъ, что онъ самъ, втеченіе многихъ лѣтъ, искалъ и находилъ защиту отъ враговъ подъ ихъ кровомъ, и наконецъ объявилъ міру рѣшительно, что могутъ вырѣзать все семейство его, но онъ друзей своихъ не выдастъ, потому что гость самый

близкій и священный родственникъ. Старики разсудили, что отецъ мой правъ, но обязали его, чтобы онъ впередъ не знался съ общими врагами, и поставили людей въ разныхъ мѣстахъ, чтобы убить этихъ трехъ человѣкъ, когда они оставятъ саклю моего отца. Впрочемъ, двое изъ нихъ, по старанію отца, добрались ночью благополучно домой; но третій былъ убитъ, когда перелѣзалъ черезъ плетень виноградника, въ которомъ спрятались наши, подстерегая его.

Пришелъ 1828 годъ, и отецъ и мать моя умерли отъ холеры. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, и я остался съ братомъ Сафаромъ семи лѣтъ и сестрами Гульбине и Тюменъ–ага одиннадцати и четырехъ лѣтъ. Общество отдало насъ подъ опеку дядѣ нашему, Асану. У меня была въ Гадазихорѣ внучатная тетка, которая жила отдѣльно съ мужемъ своимъ, пастухомъ. Она пригласила меня однажды остаться у нея переночевать, потому что мужъ ея угналъ овецъ въ горы, не возвращался на ночь, а она боялась оставаться одна. Свекровь ея

узнала объ этомъ и, подозрѣвая невѣстку свою, сказала о томъ двоимъ сыновьямъ своимъ, братьямъ мужа моей тетки. Не разбирая далѣе дѣла, они рѣшились признать за истину клевету злой старухи. На другой день, разговаривая съ двумя человѣками на улицѣ, вдругъ увидѣлъ я деверьевъ теткиныхъ, съ кинжалами въ рукахъ: они подходили и оба смотрѣли прямо на меня. Догадавшись тотчасъ о ихъ намѣренiи заколоть меня, я началъ просить защиты двухъ человѣкъ, съ которыми разговаривалъ, самъ же прислонился къ забору; а товарищи мои оба стали передо мной. Тѣ подошли и сказали: «отойдите прочь отъ виноватаго; не идетъ вамъ закрывать его собою.» Товарищи мои отвѣчали: «мы не знаемъ, въ чемъ онъ передъ вами виноватъ, а знаемъ, что вамъ двоимъ, съ ножами въ рукахъ и съ ружьемъ, стыдно нападать на мальчишку.» Тѣ отвѣчали: «мы не за тѣмъ и пошли, чтобъ бороться или сражаться съ нимъ, а пошли, чтобъ убить его, потому что онъ виноватъ и его убить надо.» Сказавъ это,

одинъ изъ нихъ взвелъ курокъ и вдругъ, вскинувъ ружье въ припоръ на меня, выстрѣлилъ; но я успѣлъ оттолкнуть дуло, и пуля прошла у меня мимо плеча; другой, между тѣмъ, оттолкнувъ одного изъ вялыхъ защитниковъ моихъ, уже намахнулся на меня большимъ, обоюдуострымъ лезгинскимъ кинжаломъ, какъ я, успѣвъ отскочить въ сторону и выхватя свой кинжалъ, разсѣкъ ему плечо, такъ что онъ упалъ и началъ громко кричать. Товарищъ же его въ это самое время ударилъ меня стволомъ ружья по головѣ, разбивъ меня до крови; но я устоялъ на ногахъ, покачнувшись только нѣсколько назадъ: онъ обхватилъ меня въ эту минуту обѣими руками и хотѣлъ повалить, я же, обхвативъ его также, дернулъ его кинжаломъ своимъ вдоль всей спины, сколько было у меня простору размахнуться. Рана была очень большая. Онъ упалъ, весь въ крови. Народъ сталъ уже сбѣгаться на крикъ, и какъ дядя мой также выбѣжалъ на улицу, то одинъ изъ родственниковъ раненыхъ ударилъ его чѣмъ–то такъ сильно, что онъ

упалъ. Я было подбѣжалъ къ нему для защиты; но народъ меня окружилъ, не пуская съ мѣста. Въ эту минуту подбѣжалъ другой дядя мой, Улъ–ага, старшина деревни нашей. Не зная еще ничего толкомъ, онъ, однако же, закричалъ на народъ, чтобы разступились, а мнѣ мигнулъ, чтобъ я бѣжалъ; я бросился въ толпу, съ кинжаломъ въ рукахъ, очищая себѣ дорогу. Всѣ разступились; но подходившій старикъ, также родственникъ раненыхъ, схватилъ меня и хотѣлъ удержать, не страшась того, что я самъ весь былъ въ крови, отъ головной раны моей, и намахивался на него кинжаломъ, угрожая его заколоть; а, между тѣмъ, нѣкоторые изъ толпы также бросились за мною. Еслибъ меня сгоряча задержали, то, вѣроятно, убили бы; но на мое счастье дочь этого старика, молоденькая дѣвушка Гюзель, сжалилась надо мной и, бросившись, оттолкнула отца, крича изо всѣхъ силъ: «оставь его: онъ тебя убьетъ!» Этимъ она меня спасла. Я перескочилъ черезъ плетень, скатился немного подъ гору

и, согнувшись, поднялся опять, нѣсколько подальше, противъ нашего двора. Старшая сестра моя, увидавъ меня, уже вела мнѣ навстрѣчу жеребца и несла шашку мою; но я второпяхъ не успѣлъ схватить шашки, а сѣлъ на коня и ускакалъ.

Отскакавъ съ версту, я остановился на горѣ, подъ лѣсомъ, откуда видно было все селенiе наше и толпа народу; тамъ было еще очень шумно, и многiе влѣзали на кровли саклей, оглядываясь кругомъ, не видать ли гдѣ нибудь меня. Остановясь, я сталъ раздумывать, что со мною случилось и что теперь будетъ. «Видно, подумалъ я, мнѣ такая жь участь суждена, какъ бѣдному отцу моему, который столько лѣтъ, до старости, скитался по лѣсамъ и не смѣлъ ступить на свой порогъ.» Я замоталъ поводья вокругъ шеи жеребца, потрепалъ его и отпустилъ домой; увидѣвъ одного старика, который шелъ за своимъ дѣломъ въ лѣсъ, я подошелъ къ нему и спросилъ, что дѣлается въ деревнѣ. Посмотрѣвъ на меня съ жалостiю и на кровавое лицо мое, плечи и грудь, онъ сказалъ: «что ты, братъ

Асанъ, надѣлалъ? ты зарѣзалъ двухъ человѣкъ до полусмерти, и будутъ ли живы, нѣтъ ли, неизвѣстно; а ты еще шатаешься тутъ, подъ самой деревней! бѣги скорѣе дальше и не оглядывайся.» «Я не зачинщикъ, сказалъ я: — лучше жь имъ быть убитымъ двоимъ, чѣмъ мнѣ одному.» — Затѣмъ я выпросилъ у него труту, чтобы унять кровь въ ранѣ моей, приложилъ его и тотчасъ же пошелъ дальше.

Прихожу въ деревню, верстъ за двадцать, и захожу прямо къ одному лезгину, который живалъ въ Гадазихорѣ въ работникахъ. Напередъ всего я осторожно поглядѣлъ въ окно, нѣтъ ли тамъ лишнихъ людей, и какъ никого не было, то я и постучался въ дверь. Вышелъ сперва одинъ, да, испугавшись, закричалъ и вызвалъ всю семью; стали меня спрашивать, что случилось; я все разсказалъ, и меня ввели въ избу, обмыли кровь и перемѣнили на мнѣ платье. Тутъ скрывался я съ недѣлю и сталъ скучать и просить хозяина моего, чтобы онъ

съѣздилъ въ Гадазихоръ и узналъ бы, что тамъ дѣлается. Онъ, спасибо, не отказалъ мнѣ въ этомъ и, воротясь, сказалъ, что дядя мой и опекунъ, Асанъ, посаженъ подъ караулъ, а другому старшинѣ, Улъ–агѣ, общество приказываетъ найти меня и поставить на судъ; если же черезъ недѣлю не представитъ меня, то будутъ судить его, потому что онъ далъ мнѣ уйти. Разсказавъ это, хозяинъ совѣтовалъ мнѣ бѣжать куда нибудь еще далѣе; но я, вмѣсто того, въ тотъ же день отправился прямо домой.

Подойдя вечеромъ тайкомъ къ саклѣ своей, я услышалъ голосъ тетки, которая бранила меня за то, что мужа ея, а моего дядю Асана, изъ–за меня посадили подъ караулъ. Я постучался, и когда она удивилась, увидавъ меня, и замолкла, то я ей сказалъ: «слышалъ я, тетушка, слова твои, и хоть племяннику не приходится учить тетку, но, видно на то Богъ подвелъ его въ это время подъ окно твое, чтобы тебя пристыдить. Я не виновникъ и не зачинщикъ ссоры; а зарѣзать себя, какъ барана, не дамъ никому. А дядю своего я,

небось, не покину. Я самъ пришелъ, никто не привелъ меня. Поди, выкупай своего Асана, скажи, что я здѣсь.» Она, постыдившись, ушла въ свое женское отдѣленіе; а братъ и сестры мои бросились меня обнимать.

Вскорѣ я опять вышелъ и увидалъ не вдалекѣ отъ нашего дома огонь: это обжигали камни, на известь, и видно было, что вкругъ огня сидѣлъ кружокъ народу. Я пошелъ прямо къ нимъ; а какъ ночь была темна и погода вѣтрена, то я и подошелъ очень близко, а они, ослѣпленные огнемъ, меня не видали. Одинъ старикъ, видно, продолжая разговоръ, сказалъ: «этому дивиться нечего: онъ знаетъ, что ему теперь тутъ добра не ждать, ушелъ подальше — простору много — вотъ и не слыхать о немъ ничего.» Молодой, сидя тутъ же, спросилъ: «да какой же у насъ извѣстный воинъ?» — «А развѣ ты ужь забылъ, сказалъ старикъ: — тотъ, который двоимъ не поддался и обоихъ изранилъ, а послѣ ушелъ и всѣмъ вамъ наплевалъ въ глаза.» Молодой отвѣчалъ: «жаль, что я не

родственникъ тѣхъ, я бы не далъ ему пожить на свѣтѣ ни одного дня.» — Не хвастай, пожалуйста, сказалъ опять старикъ: — мы тебя довольно знаемъ, да знаемъ и его. Лучше скажи, какъ есть, что когда бы ты увидѣлъ его, то сталъ бы собирать подъ ногами ягоду.» Молодой разгорячился, и за него вступился было другой старикъ, сказавъ, что никого не нужно обижать до поры; а вотъ когда что сбудется, то увидимъ. «Увидимъ, сказалъ молодой: — пусть онъ только покажется къ намъ въ деревню, такъ вотъ тогда и увидите; смотрите жь, не пеняйте тогда на меня: вы сами меня на это вызвали.» Въ это время я вышелъ изъ–за угла пустой сакли, гдѣ стоялъ, и, поздоровавшись, также присѣлъ въ кружокъ, попросясь погрѣться. Всѣ они до крайности удивились мнѣ, здоровались и смотрѣли то на меня, то на моего противника. Помолчавъ немного, тотъ же старикъ спросилъ меня: «а слышалъ ты, Асанъ, что мы говорили?» — «Нѣтъ, не слыхалъ», сказалъ я. Старикъ опять замолкъ, а хвастунъ, который курилъ

молча трубку, потупивъ глаза передъ себя, вскорѣ всталъ и, ни слова не сказавъ, пошелъ домой. Они же меня еще разъ спросили: «вѣрно, ты слышалъ разговоръ нашъ?» Но я отвѣчалъ, что ничего не слышалъ, а только, увидавъ огонь, подошелъ погрѣться.

Между тѣмъ какъ бывшіе тутъ распрашивали меня о томъ, гдѣ я былъ и что дѣлалъ, подошелъ двоюродный братъ мой съ обѣими сестрами моими, которыя безъ меня соскучились и стали мнѣ говорить, что я напрасно сижу тутъ въ такомъ опасномъ мѣстѣ, совѣтуя мнѣ удалиться. Я всталъ и пошелъ прямо къ дому другаго дяди моего, старшины. И тутъ я также сталъ прислушиваться у окна: дядя со всѣмъ семействомъ только что садился ужинать и, вздохнувъ, помянулъ меня съ сожалѣніемъ, сказавъ: «онъ, бѣднякъ, еще и раненъ въ голову, можетъ быть, сгоряча убѣжалъ, а теперь лежитъ гдѣ нибудь въ лѣсу и пропадаетъ. Можетъ статься, мы уже и костей его болѣе не увидимъ.» Тогда я вдругъ вошелъ въ избу, и дядя мой

обрадовался и испугался, такъ что не вдругъ могъ опомниться. Онъ сказалъ мнѣ, что его возили въ городъ, гдѣ комендантъ приказалъ ему непремѣнно меня отъискать и доставить въ судъ, давъ сроку всего одинъ мѣсяцъ. «Но, прибавилъ онъ: — я надѣюсь, что ты въ правомъ дѣлѣ своемъ виноватъ не будешь; а комендантъ знаетъ все по справедливости, какъ что было. Твои раненые помаленьку оправляются, они не опасны; но рука твоя, видно, не легка: одному отрубилъ ты плечо, такъ что мясо свисло до локтя, а другому распоролъ всю спину въ долонь, на цѣлый аршинъ.» Затѣмъ онъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ городъ, не принуждая, однако же, къ тому, а говоря: «подумай, какъ самъ хочешь.» Я тутъ же сказалъ, что ѣду съ нимъ въ городъ, но теперь отпросился еще навремя домой, сказавъ, что къ ночи ворочусь.

Выйдя на улицу, вздумалъ я подойти къ дому той дѣвушки, Гюзель, которая, оттолкнувъ отца своего, спасла меня. Я увидѣлъ въ окно, при огнѣ, все ихъ

семейство, и тутъ же сидѣлъ меньшой братъ тѣхъ, которыхъ я ранилъ; но дѣвушки не было. Рѣчь шла также обо мнѣ и говорили, что если бы только узнать, гдѣ я скрываюсь, то можно бы выпросить у коменданта казаковъ и меня захватить. Въ это время вошла Гюзель, а они перестали обо мнѣ говорить; отецъ же сердито закричалъ на нее и приказалъ выйти вонъ. Тутъ вошелъ тотъ самый хвастунъ, котораго я пристыдилъ у огня, разсказалъ имъ, что я нахожусь въ Гадазихорѣ, и совѣтовалъ, взявъ на помощь родныхъ пастуха, захватить меня; онъ и тутъ не утерпѣлъ, впрочемъ, чтобы не похвастать, сказавъ, будто не онъ отъ меня, а я отъ него ушелъ. Мнѣ очень хотѣлось было пристыдить его; но, опасаясь новой ссоры и, притомъ, желая еще продолжать ночной поискъ свой, я осторожно перелѣзъ черезъ тынъ и спрятался подъ небольшой сарай, на дворѣ. Я хотѣлъ увидаться съ Гюзелью и положилъ выждать, покуда всѣ въ домѣ заснутъ. Вскорѣ огонь въ саклѣ погасъ; но окошко отдѣльной небольшой избы, гдѣ

жила Гюзель съ сестрой и еще одной женщиной, было освѣщено. Я подошелъ къ нему, предвидя, что и здѣсь услышу что нибудь о себѣ. Собираясь спать, младшая сестра проситъ, чтобы Гюзель ей сказала сказку, а та ей разсказываетъ, какъ на меня напали двое взрослыхъ людей, съ ружьемъ и кинжалами, а я ихъ обоихъ ранилъ и отбился отъ цѣлой толпы и ушелъ. Бывшая съ ними женщина сказала: «а знаешь ли, Гюзель, что Асанъ здѣсь, въ деревнѣ, а отецъ твой хочетъ выпросить у начальства команду поймать его и представить въ городъ?» Гюзель заплакала и отвѣчала: «еслибъ мнѣ только увидѣть его, то я бы не отстала отъ него, пусть бы дѣлалъ со мною, что хочетъ, хоть убей онъ меня, такъ я бы отъ его руки умерла; а дома мнѣ теперь житья нѣтъ, отъ отца и родныхъ, бьютъ и мучатъ, сами не зная, за что, будто есть на это своя воля человѣка, кого любить, а кого нѣтъ!...»

Подумавъ немного, что я могу погубить ее, если скажусь ей и отецъ обо всемъ узнаетъ, я тихонько опять перелѣзъ черезъ

тынъ, когда онѣ также улеглись и погасили огонь, и пошелъ къ дядѣ своему, старшинѣ. Рано утромъ просыпаюсь я и вижу, что прямо передо мной стоитъ Гюзель; она заплакала и молча отошла въ сторону. Мнѣ стало жалко ее; я спросилъ: «о чемъ ты плачешь, Гюзель?» и, подойдя къ ней, сталъ ее утѣшать. Она же сказала мнѣ, что ей теперь изъ–за меня дома житья нѣтъ. «Пожалѣвъ тебя, говорила она: — когда ты бѣжалъ окровавленный и множество народу бросилось на тебя одного, я оттолкнула отца, сама не подумавъ о томъ, что дѣлаю; но мнѣ стало стыдно за отца, когда онъ хотѣлъ тебя удержать... теперь же мнѣ проходу не даютъ за это и бьютъ каждый Божій день... Лучше возьми меня съ собой и дѣлай со мной, что хочешь. Пусть я буду твоей рабой; мнѣ отъ твоей руки легче будетъ погибать...» «Правду ты говоришь, Гюзель, сказалъ я: — если бы я теперь оставилъ тебя у себя, то пришлось бы мнѣ спасать тебя отъ недобрыхъ людей тѣмъ, что заколоть; а другихъ силъ у меня нестанетъ: ихъ тутъ много, а я одинъ. Не

плачь, Гюзель! много народу теперь веселится, наплакавшись прежде; авось будетъ и тебѣ тоже.»

Въ это время вошелъ дядя мой и спрашиваетъ меня, готовъ ли я, чтобъ ѣхать въ городъ. Услышавъ это, Гюзель бросилась къ ногамъ дяди моего и просила, чтобъ онъ меня не выдавалъ или чтобъ и ее также взялъ туда, куда беретъ меня. Дядя уговаривалъ ее, что мы–де скоро воротимся и все кончится хорошо; но она сѣла на коверъ и, закрывъ лицо руками, стала тихо плакать; а мы поѣхали.

Когда мы явились въ судъ, то отецъ Гюзели и два родственника раненыхъ были уже тамъ, прибывъ съ объясненіемъ, что я нахожусь въ Гадазихорѣ. Мы разошлись въ разные углы и молчали. Приходитъ есаулъ и зоветъ меня къ судьямъ; я вошелъ, поклонился и сталъ, ожидая, что будетъ. Комендантъ приказалъ прочитать показаніе о томъ, какъ и изъ чего у насъ вышла ссора и драка, и спросилъ: такъ ли? Я сказалъ, что такъ. «Говори же что можешь въ оправданіе свое», сказалъ онъ. — Я

отвѣчалъ: «властный господинъ! мнѣ говорить нечего, суди меня по тому, что читалъ; свидѣтели все показали вѣрно. Два человѣка напали на меня среди бѣлаго дня, ровно ни за что. Одинъ уже выстрѣлилъ по мнѣ. Тогда только я выхватилъ кинжалъ свой и защищался. До этого онъ былъ у меня въ ножнахъ.» Судъ призналъ меня правымъ и не обвинилъ ни въ чемъ, а, призвавъ противниковъ моихъ, объявилъ имъ, что сами они виноваты кругомъ, передъ Богомъ и передъ людьми, и строго приказывалъ имъ оставить дѣло и не думать о кровомести. Затѣмъ, однако же, одинъ изъ судей сказалъ, что–де нельзя же ему простить это вовсе, а надо сколько нибудь дать острастку, чтобы впередъ не было повадно, и рѣшили, чтобы содержать меня подъ карауломъ до выздоровленія раненыхъ, а дядю моего Асана освободить. Меня посадили въ острогъ, гдѣ продержали три мѣсяца, потому что непріятели мои нарочно растравляли раны свои солью, не давая имъ зажить, и еслибъ дядя мой, старшина, не изобличилъ ихъ въ этомъ и не

пожаловался коменданту, то я бы просидѣлъ, можетъ быть, и годъ. Напослѣдокъ вытребовали въ Кубу на личную ставку со мною двухъ непріятелей моихъ, и комендантъ приказалъ намъ при себѣ помириться. Я подошелъ къ нимъ и протянулъ руку, сказавъ: «простите меня и не помните вины моей передъ вами, какъ я не помню вашей.» Но они съ сердцемъ отвернулись отъ меня. Тогда комендантъ грозно закричалъ на нихъ, что они за свою вину не хотятъ меня простить, напали двое на мальчишку, который и безъ того теперь наказанъ, — такъ чего же они больше хотятъ? Затѣмъ онъ еще разъ сказалъ имъ, что кто меня тронетъ, непремѣнно будетъ строго наказанъ, выгналъ ихъ вонъ, а мнѣ выдалъ охранный листъ и отпускъ.

Слишкомъ годъ послѣ этого жилъ я дома спокойно, сталъ заниматься хозяйствомъ и хотѣлъ жениться на Гюзели, за любовь ея ко мнѣ, но по бѣдности моей не могъ уплатить калыму, да, кромѣ того, отецъ ея былъ такъ золъ, что ни за какой калымъ не хотѣлъ отдать ее за меня, а

отправилъ ее въ дальнюю деревню, къ родственникамъ.

Въ 1831 году сдѣлался у насъ въ горахъ страшный голодъ, по неурожаю. У насъ было въ запасѣ немного хлѣба; но я его роздалъ взаймы бѣднымъ, которымъ было нечего ѣсть. Пришла нужда и къ намъ, ссуженаго хлѣба собрать я не могъ, потому что бѣдняки были голѣе насъ, и мы не знали, что дѣлать. Голодъ этотъ продолжался три года, и множество людей пропало, набивая себѣ брюхо травой, корой, мхомъ и другими несъѣдомыми вещами. Мы жили дядя Асанъ съ женой и тремя дѣтьми, да я съ братомъ и двумя сестрами. Голодъ довелъ насъ до крайности: я взялъ ружье; доставшееся мнѣ отъ отца, которое стоило 25 червонцевъ, и пошелъ прямо къ отцу Гюзели, во первыхъ потому, что онъ былъ богаче другихъ, а во вторыхъ, полагая, что покорность врага будетъ ему лестна, и онъ будетъ радъ показать свое великодушіе. Прійдя къ нему, я прошу хлѣба, нѣсколько пудовъ, хоть взаймы, хоть за деньги, подъ залогъ

отцовскаго ружья, дорогой и неоцѣненной вещи. Хлѣбъ у него былъ; но онъ пряталъ его и продавалъ тайкомъ. Онъ отговаривался и велѣлъ притти мнѣ на другой день, тамъ опять отнѣкивался и велѣлъ притти на третій и, такимъ образомъ, проводилъ цѣлыя двѣ недѣли. Между тѣмъ, братъ и сестры мои плачутъ, просятъ ѣсть, а дядя со всей семьей также голодаютъ. Нестало у меня болѣе силъ терпѣть, пошелъ я вечеромъ въ послѣдній разъ къ тому старику и сталъ просить настоятельно; тогда онъ мнѣ отказалъ наотрѣзъ. «За что же ты меня проводилъ двѣ недѣли, сказалъ я: — или хотѣлъ уморить моихъ сестеръ?» Я пошелъ отъ него къ дядѣ старшинѣ и засталъ ихъ за бѣднымъ ужиномъ. Они приняли меня ласково и пригласили меня ужинать; но я съ горя не могъ ѣсть, а сидѣлъ молча подлѣ. Недоставало у меня духу говорить, потому что мы были въ самой крайности, просто умирали съ голоду, а я не могъ прибрать словъ, чтобы поняли это и повѣрили мнѣ, а не сочли бы простымъ

нищимъ. Впрочемъ, всѣ тогда нуждались и голодали, и всѣ, у кого былъ хлѣбъ, прятали его и скупились, потому что боялись сами за себя. Посидѣвъ молча, я опять вышелъ; двоюродная сестра проводила меня, и я ей сказалъ: «ты забыла братьевъ и сестеръ своихъ; они теперь умираютъ съ голоду, дня три не ѣли, а грызли старые поршни.» Она тотчасъ дала мнѣ мѣшокъ, въ которомъ было пуда два муки, сказавъ: «молчи, хоть мнѣ и достанется за это, да отецъ добръ, проститъ.»

Прійдя домой, увидѣлъ я меньшую сестру безъ памяти на полу, а братъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, и у него изо рта клубиласъ пѣна. Разбудивъ скорѣе старшую сестру, которая также едва могла стоять на ногахъ, я развелъ огня; мы сварили болтушку, отвели душу и возвратили ею къ жизни дѣтей. Вся семья наша наѣлась до сыта, чего уже очень давно не случалось. Въ то же время я отнесъ котелокъ съ болтушкой къ дядѣ

Асану и накормилъ его семейство, которое жило на томъ же дворѣ, въ особой саклѣ.

На другое утро я, подумавъ и рѣшившись напередъ, что дѣлать, пошелъ поочередно къ нѣсколькимъ зажиточнымъ людямъ въ окружности и говорилъ каждому, послѣ привѣтствія: «я знаю, что теперь всѣмъ тяжело и что Богъ послалъ нужду на весь край нашъ; но вы сыты, у меня же братья и сестры умираютъ съ голоду, а дядя уже распухъ. Дайте хлѣба взаймы, возьмите меня въ работники, возьмите подъ закладъ семейную, завѣтную вещь нашу, отцовское ружье, но дайте хлѣба.» Одинъ только человѣкъ, посовѣстясь, впрочемъ, и не взявъ ружья, далъ съ полпуда зерна; прочіе всѣ отказались, сказавъ, что–де заемная пора прошла, а что впередъ будетъ — Богу извѣстно: были сыты доселѣ, но брюхо злодѣй, стараго добра не помнитъ, ему подавай каждый день снова. Сдѣлавъ эту послѣднюю попытку, я пришелъ домой, взялъ оружіе, сказалъ своимъ, чтобъ ждали черезъ недѣлю, а коли не приду, то и не

поминали бъ меня, и вышелъ. Я пошелъ на грабежъ и обрекся грабить на все время голода и кормить своихъ и другихъ бѣдныхъ людей; я положилъ зарокъ не убивать никого, потому что шелъ на разбой не для душегубства, а для спасенія людей отъ страшной, голодной смерти.

Прійдя на другой день въ Кубу, обошелъ я весь базаръ и не нашелъ ни одного хлѣбнаго продавца, тогда какъ прежде, бывало, сидѣло ихъ здѣсь нѣсколько десятковъ. Большая часть встрѣчныхъ людей были слабы и вялы, какъ послѣ тяжкой болѣзни, и всѣ смотрѣли при встрѣчѣ другъ на друга такъ, какъ бы спрашивали: «а нѣтъ ли у тебя корки хлѣба?» По дорогамъ нерѣдко лежали изнуренные голодомъ, не могши дойти туда, куда было пошли. За хлѣбъ нигдѣ работниковъ не принимали: хлѣбъ былъ дороже всякой работы.

Поздно вечеромъ подошелъ я къ мельницѣ, подъ самымъ городомъ, гдѣ былъ свѣтъ въ окнѣ, надъ берегомъ рѣки. Увидавъ въ окно трехъ сидящихъ

человѣкъ, я постучался и просился къ нимъ; но они не пустили и стали меня гнать прочь. Тогда я сказалъ имъ: «слушайте, я умираю съ голоду, мнѣ терять и бояться нечего; либо дайте мнѣ муки, либо я застрѣлю кого нибудь изъ васъ въ окно.» Испугавшись, они дали мнѣ съ полпуда муки, а я ушелъ въ лѣсъ, развелъ огня, напекъ кой–какъ лепешекъ и съ жадностію ихъ поѣлъ. Отдохнувъ немного, я пошелъ на заимку къ одному знакомому дворянину, надѣясь выпросить у него хлѣба; но онъ отказалъ. Воротился я въ лѣсъ и думаю, что мнѣ теперь дѣлать и какъ быть. Вышелъ бы на дорогу да ограбилъ бы хлѣбный караванъ, когда бы попался, — такъ я одинъ, товарищей нѣтъ, можетъ статься, и не справлюсь; между тѣмъ, однако же, я вышелъ–таки на дорогу и вижу трехъ вооруженныхъ конниковъ, персіянъ, которые ѣдутъ шагомъ. Я вдругъ выскочилъ, сталъ передъ ними и сказалъ: «стой! вы попались въ засаду; впереди и сзади васъ лежатъ люди и прицѣливаются на васъ; мнѣ стоитъ только сказать слово, и

всѣ вы слетите съ лошадей. Слѣзайте и сдавайтесь.» Они оробѣли, взглянули молча другъ на друга и покорились. Я велѣлъ имъ сложить все оружіе свое въ одно мѣсто и перевязать другъ другу руки; послѣдняго же я связалъ самъ и, осмотрѣвъ прочихъ двухъ, хорошо ли они связаны, взялъ оружіе ихъ и лошадей, а имъ велѣлъ итти за собою, въ лѣсъ. Зайдя подальше, я привязалъ лошадей, а нукерамъ велѣлъ сѣсть. Они спросили меня: «да гдѣ же твои товарищи?» Это вы сами, отвѣчалъ я: — потому–что я одинъ; а какъ я взялъ васъ въ плѣнъ, то вы теперь мои товарищи и будемъ грабить вмѣстѣ.» Они сказали, что провожали въ городъ своего князька и возвращались домой; «но ужь когда мы такъ оплошали, что ты одинъ могъ насъ взять въ плѣнъ, то намъ, конечно, стыдно будетъ дома показаться; между тѣмъ, оставаться тутъ съ тобой намъ нельзя, и разбойничать мы не согласны. Лучше возьми ты кинжалы наши и воткни ихъ въ каждаго изъ насъ по самую рукоять; а когда у тебя на насъ не подымаются руки,

то прикажи, мы переколемъ другъ друга.» Я отвѣчалъ, что не хочу этого, что я и самъ не разбойникъ, а хочу только спасти себя и другихъ отъ голодной смерти, когда родные и пріятели и всѣ зажиточные люди мнѣ въ помощи отказали. Затѣмъ я развязалъ ихъ, отдавъ имъ все, и лошадей и оружіе, отпустилъ ихъ домой, а самъ, отойдя, расположился ночевать.

На разсвѣтѣ я услышалъ свистъ съ разныхъ сторонъ, сперва вдалекѣ, а тамъ все ближе. Я сталъ прислушиваться; вдругъ вижу передъ собою мужика, который, выйдя изъ чащи, остановился. Подумавъ и оглянувшись по сторонамъ, онъ сказалъ мнѣ осторожнымъ голосомъ: «тебя ищутъ; коли это ты вчера плѣнилъ трехъ нукеровъ нашихъ, скорѣе бѣги!» Поблагодаривъ его, я отошелъ скорыми шагами поглубже въ чащу и, пріискавъ способное къ тому густое дерево, влѣзъ на него потихоньку и притаился. Вскорѣ опять свистъ сталъ приближаться, и нѣсколько вооруженныхъ людей прошли цѣпью мимо меня, оставивъ меня за собой; опасаясь, однако же, я

просидѣлъ на деревѣ весь день и тутъ же въ трущобѣ ночевалъ. Проснувшись, услышалъ я близко отъ себя шорохъ: взглянувъ осторожно въ ту сторону, увидѣлъ пробѣжавшую лисицу. «Это счастливая примѣта — подумалъ я — пойду слѣдомъ за этой хитрой воровкой», и вышелъ опять на дорогу.

Только что выказался я изъ лѣсу, какъ наскочилъ почти вплоть на верблюжій караванъ. Не думавъ долго, я сказалъ то же, что персидскимъ воинамъ, и караванъ остановился.

Въ это время въ тѣхъ мѣстахъ на большомъ пространствѣ славился извѣстный разбойникъ мулла Нуръ: смѣлость его и неустрашимость были вѣдомы всякому, и его боялись всѣ. Я объявилъ себя есауломъ его и, спросивъ, сколько человѣкъ въ караванѣ, требовалъ съ каждаго, именемъ муллы Нура, по рублю серебромъ. Они на все соглашались, но говорили, что денегъ у нихъ нѣтъ, а везутъ они въ городъ хлѣбъ; получивъ же тамъ за него деньги, обѣщали честно отдать

мнѣ требуемую подать. Между тѣмъ, около тридцати человѣкъ меня окружили. Одинъ, высокаго роста и молодецъ собой, сказалъ: «чего вы смотрите на него и чего испугались? Связать его и представить въ городъ!» Я бросился на него съ кинжаломъ и ранилъ его, повторивъ, что по знаку моему всѣхъ ихъ перестрѣляютъ, а мулла Нуръ отъищетъ ихъ, куда бы они ни ушли. Не давъ имъ опомниться, я отрѣзалъ бурундукъ (поводъ) одного изъ навьюченныхъ верблюдовъ и поспѣшно увелъ его въ лѣсъ. Къ счастію, былъ густой туманъ: я вскорѣ скрылся и только слышалъ издали шумные ихъ голоса. Я провелъ добычу свою, нигдѣ не останавливаясь, прямо въ Гадазихоръ и отдалъ дядѣ, велѣвъ ему муку взять себѣ, а верблюда отогнать и пустить поблизости города. Оставаясь самъ съ недѣлю дома, я каждый день варилъ болтушку и кормилъ всякаго, кто ко мнѣ заходилъ. Черезъ два дня знали уже во всемъ околоткѣ, что у меня столъ для бѣдныхъ, и голодные нахлынули со всѣхъ сторонъ: скоро запасы

мои стали приходить къ концу. Подумавъ, отправился я опять на то же мѣсто.

Прошло два дня; на третій подстерегъ я персидскій обозъ съ хорошимъ товаромъ. Я остановился у мосту и, подпустивъ обозъ вплоть, поздоровался съ хозяиномъ, принесъ ему поклонъ отъ муллы Нура и потребовалъ дани. Онъ далъ мнѣ, безъ всякаго спора, пять червонцевъ и нѣсколько кусковъ шелковой ткани, велѣлъ кланяться атаману и просилъ меня не забыть отъ кого, чтобы впередъ быть знакомымъ и не подпасть обидѣ. Они поѣхали своимъ путемъ, я же пошелъ въ лѣсъ, а услышавъ, часа черезъ три, шумъ и разные голоса, опять осторожно вышелъ. Тутъ стоялъ другой обозъ, а передъ нимъ человѣкъ въ богатомъ вооруженіи, котораго я, по примѣтамъ, тотчасъ узналъ за самого муллу Нура. Я подошелъ и сталъ съ любопытствомъ его разсматривать. Взглянувъ на меня, онъ закричалъ: «ты чего не видалъ? пошелъ прочь!» Мнѣ стало это обидно, да, притомъ, я считалъ муллу Нура человѣкомъ злымъ: онъ грабилъ изъ

корысти. Я подумалъ: «расправлюсь я съ нимъ: онъ, какъ видно, одинъ.» Но разбойникъ въ ту же минуту понялъ движенiе мое, потому что я впился въ него глазами, а самъ осторожно схватился за ружье, и потому онъ, перемѣнивъ голосъ, сказалъ, обратясь къ толпѣ: «видите ли, какiе у меня товарищи! Изъ земли выростаютъ. Это братъ мой, который еще храбрѣе меня.» Въ то же время онъ взглянулъ на меня привѣтливо и мигнулъ мнѣ едва замѣтно. Я опустилъ руку, онъ получилъ дань и отпустилъ обозъ; а потомъ мы другъ на друга поглядѣли. «Здравствуй же, товарищъ, сказалъ онъ, подавая мнѣ руку: — назовись именемъ и отчествомъ.» — Я назвался. «Знаю тебя, сказалъ онъ: — прошли слухи о тебѣ.» — «И я тебя знаю, сказалъ я: — и бралъ дань твоимъ именемъ.» — «Стало быть, я правду сказалъ, отвѣчалъ онъ: — и мы товарищи!» — Въ это время подошелъ одинъ изъ подручниковъ его, и я замѣтилъ, что мулла Нуръ обращался съ нимъ, какъ со слугой: онъ, между прочимъ, послалъ

его за кушаньемъ, сказавъ, что у него сегодня дорогой гость, и указалъ при этомъ на меня. Черезъ часъ три человѣка принесли обѣдъ, и всѣ мы вмѣстѣ усѣлись на травѣ и хорошо поѣли. Напослѣдокъ, побесѣдовавъ еще нѣсколько, мулла Нуръ пріятельски со мною простился, сказавъ, что еще увидимся.

Прошатавшись по лѣсу дня три, я вышелъ опять на дорогу и часа черезъ два увидѣлъ тянувшійся по ней верблюжій караванъ. Остановивъ его, я потребовалъ хозяина, для уплаты дани; но тутъ хозяина не было, все одни работники, люди бѣдные, которымъ отдать было нечего. Когда же я не соглашался отпустить ихъ безъ дани, то они сказали: «съ нами есть трое жидовъ, они сами хозяева, товаръ у нихъ хорошій и деньги есть: бери съ нихъ.» Жиды было попрятались между лошадьми и верблюдами; но ихъ отъискали. Я потребовалъ дани, а они стали божиться, что и у нихъ нѣтъ денегъ, а товаръ самый плохой, за который не слѣдуетъ взыскивать много, а потому и сулили мнѣ всего

сколько–то мелкаго серебра и мѣди. «Коли такъ, сказалъ я: — то возьмите назадъ деньги свои, а мнѣ подайте плохой товаръ», и взялъ у нихъ двухъ лошадей со вьюками. Тогда жиды мои, выйдя изъ себя и забывшись, съ кѣмъ связались, бросились отымать у меня лошадей; я ранилъ одного изъ нихъ кинжаломъ, всѣ трое съ крикомъ отступились, и я повелъ добычу свою черезъ лѣсъ и горы въ Гадазихоръ.

Между тѣмъ, смерклось, стало очень темно, а какъ я, опасаясь преслѣдованія шелъ не дорогою, а въ перевалъ, то и заплутался. Пустившись наконецъ наудачу по первой попавшейся мнѣ дорогѣ, я вскорѣ прибылъ къ селенію, гдѣ на лай собакъ изъ большаго каменнаго дома вышли ко мнѣ три человѣка. Я сказалъ имъ, что заплутался, просилъ позволить мнѣ погрѣться у нихъ, а потомъ указать мнѣ дорогу. Они исполнили это, даже накормили меня, и рано утромъ я былъ уже дома. Братъ и сестры мои до крайности обрадовались: не смѣя отказывать голоднымъ въ пищѣ, потому что я это строго имъ запретилъ, они роздали

почти весь хлѣбъ и опять уже начинали терпѣть нужду. Я весь товаръ отдалъ дядѣ, велѣлъ ему тотчасъ же купить пищи, и съ этого дня пошло въ бѣдной саклѣ нашей опять веселое житье, и каждый день были пиры, на которые сходились всѣ голодные изъ цѣлаго околотка.

Чтобъ сбыть съ рукъ двухъ лошадей жидовскихъ, дядя предложилъ ихъ за безцѣнокъ какому–то проѣзжему; тотъ почему–то не рѣшился взять ихъ, а одинъ изъ гостей нашихъ, пришедшій изъ города къ радушному столу моему, видѣлъ при этомъ случаѣ лошадей и, воротясь въ городъ, забывъ нашу хлѣбъ–соль, пошелъ къ жидамъ, надѣлавшимъ въ Кубѣ много шуму и тревоги, и обѣщался за хорошую плату отъискать ограбившаго ихъ разбойника. Онъ узналъ лошадей по описанію масти и примѣтъ. На другой день прибыла въ Гадазихоръ команда казаковъ, а съ ними жиды и нашъ докащикъ. Всѣ они пріѣхали прямо на дворъ къ дядѣ моему, старшинѣ; онъ старался занять ихъ нѣсколько времени, а самъ далъ мнѣ знать.

Я выгналъ лошадей этихъ скорѣе въ лѣсъ, а вмѣсто ихъ поставилъ другую пару такой же шерсти, взятыхъ на время у сосѣдей.

Только что успѣлъ я сдѣлать это, какъ пришли ко мнѣ на дворъ смотрѣть лошадей. Жидъ поглядѣлъ и сказалъ: «нѣтъ, это лошади не мои.» Докащикъ также осмотрѣлъ ихъ и сказалъ: «лошадей перемѣнили; это не тѣ, что я видѣлъ.» Тогда указали на меня и спросили жида: «онъ ли тебя ограбилъ?» Жидъ смотрѣлъ на меня долго изподлобья, но признался, что за великимъ страхомъ не можетъ навѣрное припомнить. Видно было, что онъ меня боялся. Народу нашло много. Я подстерегъ такую минуту, когда всѣ были заняты между собою толками, и потихоньку скрылся. Вскорѣ схватились меня, но ужь поздно. Начальникъ отряда приказалъ, чтобы меня доставили въ судъ, когда я ворочусь, а затѣмъ съ командой своей обратился въ городъ.

Между тѣмъ, я, залегши не вдалекѣ подъ лѣскомъ у дороги, пропустилъ мимо себя казаковъ и подстерегъ жида съ

мужикомъ, которые оставались еще нѣсколько времени въ деревнѣ, надѣясь что нибудь открыть. Я вдругъ вышелъ и, остановивъ ихъ, сказалъ: «я тебя ограбилъ, еврей, но коли ты меня не узналъ, то честно сдѣлалъ, что не показалъ на меня. Скажи же мнѣ правду, сколько этотъ добрый человѣкъ взялъ съ васъ за доносъ?» Жидъ отвѣчалъ: «двадцать цѣлковыхъ». Правда ли? спросилъ я мужика. «Правда», отвѣчалъ онъ въ большомъ страхѣ и смущенiи. — «Дешево жь ты продалъ благодарность свою за хлѣбъ–соль; подай мнѣ сейчасъ эти деньги!» Онъ ихъ поспѣшно досталъ и подалъ мнѣ, я же отдалъ ихъ жиду, сказавъ: «вотъ твои деньги; теперь слушайте: вы оба у меня въ рукахъ, и я могу васъ убить обоихъ, но если я васъ отпущу, то уже я буду у васъ въ рукахъ: вы можете теперь донести на меня и меня назвать.» Они стали просить на колѣняхъ пощады, клялись и божились, что никому ни слова не скажутъ объ этой встрѣчѣ.» Тебѣ я вѣрю, сказалъ я жиду: — и

отпускаю тебя; а съ тобой какъ быть, спросилъ я мужика: — когда ты уже разъ меня такъ дешево продалъ?» Мужикъ заплакалъ, просилъ прощенья и взмолился, увѣряя, что даже и подъ пыткой слова не скажетъ обо мнѣ. — «Поди съ Богомъ, сказалъ я ему: — хоть я и вижу, что ты подлецъ, но я хочу тебѣ вѣрить, чтобы ты могъ исправиться; знай и помни, однако же, что если только ты меня и на этотъ разъ обманешь, то такъ дешево не раздѣлаешься: тогда я отъищу васъ обоихъ, хоть подъ землей, и вамъ головъ своихъ не сносить.»

Воротясь домой, я пригласилъ къ себѣ захожую братію, пять человѣкъ изъ обнищавшихъ и голодныхъ лезгинъ, съ тѣмъ, чтобы они пособили мнѣ отмстить отцу Гюзели за злыя дѣла его и въ особенности за то, что онъ не давалъ мнѣ хлѣба, стараясь обманомъ провести время, въ надеждѣ, что и я, и братъ, и сестры мои помрутъ съ голоду. Я недавно узналъ, что онъ говорилъ другому человѣку: «живучъ, однакожь, этотъ Асанъ; онъ таскался ко мнѣ за хлѣбомъ цѣлыя двѣ недѣли и ужь

чуть только на ногахъ стоялъ; я все ждалъ, что онъ не переживетъ ночи и не дотащится болѣе до меня: нѣтъ! какъ утро настанетъ, такъ и онъ у меня на порогѣ». Я хотѣлъ ему это напомнить; о Гюзели же нечего было и думать: она давно отдана была замужъ.

Въ слѣдующую ночь мы отправились, и намъ удалось такъ тихо отпереть дверь въ домѣ злаго сосѣда, что никто не проснулся. Зная, гдѣ онъ спитъ, я подошелъ потихоньку и сталъ его будить, называя по имени. Онъ проснулся съ испугомъ и спрашивалъ: кто тамъ? — «Узналъ ли ты меня по голосу?» спросилъ я. «Узналъ: ты Асанъ.» — «Такъ пощупай-ка, что у меня въ рукахъ», — и я подалъ ему лезвіе кинжала. Онъ страшно испугался и сталъ просить пощады, говоря: «братъ мой, что ты хочешь со мною дѣлать?» — «Я принесъ тебѣ гостинецъ, сказалъ я: — за твою хлѣбъ-соль, что я не издохъ. Теперь молчи, на первый случай, а если только пикнешь, то всажу тебѣ кинжалъ по самую рукоять.» Я велѣлъ стать подлѣ него

одному изъ товарищей и уставить кинжалъ на грудь лежащаго, а самъ съ прочими распорядился по хозяйству: взялъ четыре мѣшка муки, сколько было печеныхъ лепешокъ, масла, соли да еще двѣ коровы; напослѣдокъ простился я съ нимъ, посовѣтовавъ еще разъ лежать смирно до самаго утра, и сказалъ: «я просилъ у тебя въ ссуду, подъ залогъ завѣтнаго оружія — и ты не далъ; теперь не прогнѣвайся. Коли хочешь, то приходи завтра ко мнѣ на пирушку: я буду кормить нищихъ и голодныхъ.»

Отправивъ все заграбленное въ свою саклю, я утромъ объявилъ дядѣ, что у меня будетъ большой пиръ и разослалъ своихъ лезгинъ по околотку звать гостей, съ тѣмъ, чтобы ни одинъ богатый человѣкъ не смѣлъ быть ко мнѣ, а одни только убогіе. Мы зарѣзали обѣихъ коровъ, напекли хлѣба, наварили мяса; а гостей пришло ко мнѣ столько, что съѣли все, что было, въ тотъ же день.

Отецъ Гюзели, едва дождавшись утра, поѣхалъ жаловаться на меня, но не къ

коменданту, а къ окружному князю, Али–пашѣ. Князь прислалъ за мной есаула съ конвоемъ, который пріѣхалъ прямо въ домъ дяди моего, старшины, гдѣ и я на ту пору случился. Есаулъ ласково поздоровался со мной и протянулъ мнѣ руку, а я, ничего не зная, протянулъ было и свою; но дядя мой успѣлъ еще дать мнѣ знакъ, оттолкнувъ въ тоже время есаула и закричавъ ему: «что ты даешь руку этому сорванцу: вѣдь онъ какъ разъ тебѣ распоретъ брюхо!» Этимъ дядя далъ мнѣ понять, что пріѣхали за мной; я тотчасъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ и, чтобы оправдать дядю, схватился за кинжалъ и сказалъ: «ну, счастливъ ты, что старшина тебя спасъ!» потомъ я вышелъ и скрылся. Не могши взять меня, есаулъ долго бранился съ дядей, понявъ, несмотря на продѣлки наши, что тотъ потакаетъ племяннику, и уѣхалъ, сказавъ, что обо всемъ донесетъ князю; а ограбленный сосѣдъ мой, опасаясь остаться, также уѣхаль съ ними.

Боясь угрозъ посланнаго, дядя началъ меня бранить за мои разбои и вдругъ

крѣпко осерчалъ, сказавъ, что это ему уже надоѣло. Я ему отвѣчалъ: «ты знаешь, почему я на такое дѣло пошелъ: я не хочу умирать съ голоду, а и того пуще не хочу, чтобъ умерли сестры и братъ. У тебя порядочный достатокъ: почему же ты не возьмешь ихъ къ себѣ? Ты ко мнѣ добръ, это правда, или добрѣе другихъ, но по тебѣ мы бы все–таки давно попухли и издохли. Учить не мудрое дѣло, дядюшка, особенно такой простой вещи — что–де разбойничать и грабить нехорошо; но побудь–ка на моемъ мѣстѣ... Я не перестану грабить, на все время голода, пока меня не убьютъ; я себя не жалѣю: я жалѣю своихъ ближнихъ. Я на это положилъ зарокъ; а ты, какъ пожилой и хорошій человѣкъ, самъ знаешь, что обрику одна дорога: впередъ, а не назадъ.»

У дяди собралось въ это время нѣсколько стариковъ, которые слушали все, что я говорилъ, и наконецъ сказали, что меня винить нельзя въ такую пору, — что я, точно, какъ всякому извѣстно, граблю не для корысти, дѣлю добычу свою на всѣхъ

голодныхъ и, притомъ, не душегубствую. Они припомнили и то, что въ то время былъ отъ начальства строгій приказъ: коли у кого есть хлѣбъ и онъ просящему у него ради голода послѣ троекратной просьбы не дастъ, то отбирать четвертую часть наличнаго хлѣба и дѣлить на голодныхъ. «А онъ, сказали они обо мнѣ: — ходилъ и просилъ долго и много разъ, да небось недалъ никто; а сосѣдъ, котораго онъ ограбилъ, не далъ и подъ залогъ такой вещи, какъ отцовское ружье!»

Между тѣмъ, такъ какъ дядя–старшина сталъ призадумываться, что ему придется за меня отвѣчать, то я всталъ и сказалъ: «никого я не хочу вводить въ отвѣтъ за себя и потому завтра же самъ поѣду къ князю.» Дядя обрадовался, а старики меня похвалили, сказавъ: «ступай и не бойся ничего; пусть старшина ѣдетъ съ тобой и засвидѣтельствуетъ передъ княземъ нашимъ именемъ, что дѣло твое правое.»

На другой день мы пріѣхали въ Кубу и явились къ Али–пашѣ. Мы слышали, что онъ былъ очень сердитъ на меня, и намъ

пророчили худое. Онъ позвалъ меня одного, глазъ на глазъ, въ покой свой, и, посмотрѣвъ на меня, спросилъ: «Что скажешь?» — «Ты присылалъ за мною есаула съ конвоемъ, сказалъ я: — но я конвоевъ не люблю, и не идетъ мнѣ, маленькому человѣку, съ такимъ почетомъ ѣздить: вотъ почему я есаулу не дался; а передъ тобой я ни нынѣ, ни впредь не ослушникъ; прикажи — и явлюсь.» — «Это хорошо, сказалъ онъ: — такихъ я люблю; сказывай же мнѣ все, что есть за тобою, чтобы мнѣ другихъ не спрашивать.» «За мною есть много, отвѣчалъ я: — да немного словъ нужно на все: мнѣ съ сестрами и братомъ приходилось умереть голодомъ и немного дней приходилось жить, потому что поршнями сытъ не будешь; я просилъ хлѣба въ займы и подъ залогъ оружія, просилъ у родичей, пріятелей и даже у враговъ — никто не далъ — тогда я пошелъ въ обреки, положивъ зарокъ грабить зажиточныхъ людей, на все время голода, отбирать у нихъ по закону четвертую часть и кормить голодныхъ. Вотъ все.» — «Ты ли связалъ

трехъ нукеровъ, изъ конвоя одного князька?» спросилъ онъ. «Я.» — «Какъ же ты могъ съ ними управиться?» — Я разсказалъ. «А ты ли ограбилъ трехъ жидовъ?» Я. У нихъ было двѣнадцать вьюковъ, а я взялъ только два.» «Ты ли ограбилъ сосѣда, который на тебя проситъ?» «Я. Онъ хотѣлъ уморить меня съ голоду и хвалился этимъ: что же лучше, чтобы сосѣдъ мой продавалъ хлѣбъ свой по непомѣрной цѣнѣ и разбогатѣлъ отъ этого, или чтобы сто человѣкъ голодныхъ были сыты?» — «Правда твоя, Асанъ! Оставайся же у меня на три дня въ гостяхъ: такой гость, какъ ты, дому моему почетъ.» Онъ отпустилъ старшину, послалъ ко мнѣ въ домъ два воза пшеницы, приказалъ меня у себя угощать и каждый день призывалъ къ себѣ для разговора. На третій день онъ подарилъ мнѣ одежду и шашку и, прощаясь, сказалъ: «будешь ли еще грабить, Асанъ?» Я отвѣчалъ: «буду, князь, пока не кончится голодъ, потому что я положилъ такой ненарушимый зарокъ; пшеницы, которую ты послалъ ко мнѣ въ

домъ, станетъ не надолго, потому что сестры мои, по строгому приказанію моему, не смѣютъ отказывать въ хлѣбѣ ни одному голодному, а голодныхъ теперь больше, чѣмъ сытыхъ.» «Не обижай же никого напрасно, сказалъ князь: — и не пугай бѣдныхъ людей.» Я отвѣчалъ, что не для обиды это дѣлаю и не для корысти, а чтобы избавить себя съ семьей и другихъ бѣдныхъ людей отъ голоду.

Прибывъ домой, я принялъ поздравленіе отъ стариковъ и другихъ добрыхъ людей Гадазихора; а враги мои не смѣли показываться. Я засталъ толпу народа у моей сакли, которая съ крикомъ и плачемъ требовала хлѣба; тутъ были старики, бабы и дѣти; многіе пришли, по слухамъ, издалече и едва дотащились; одинъ старикъ, сидя отъ слабости на землѣ, досталъ изъ–за пазухи пучекъ травы и, протягивая ко мнѣ руку, кричалъ сиплымъ голосомъ: «вотъ что я жую другую недѣлю; брюхо мое стало корытомъ, и голодъ у меня проникъ во всѣ кости!» Я тотчасъ послалъ повѣстить на всю деревню, чтобы всѣ, у кого есть въ

домѣ печеный хлѣбъ, то есть лепешки, снесли ихъ тотчасъ же ко мнѣ въ домъ и приняли вмѣсто того пшеницу; всѣ исполнили мое приказанiе, даже дядя мой, старшина. Я наварилъ еще болтушки и, накормивъ и одаривъ всѣхъ бѣдняковъ, отпустилъ ихъ, сказавъ, что они не одни и чтобъ теперь никто изъ нихъ не приходилъ ко мнѣ за хлѣбомъ ранѣе одной недѣли. Всѣ обѣщались исполнить это, благодарили и ушли.

Видя меня въ такомъ обилiи и столь тароватымъ, отецъ Гюзели надѣялся этимъ покорыстоваться и пришелъ на мировую, съ тѣмъ только, чтобы я ему уплатилъ то, что у него отнялъ. Я ему захохоталъ въ глаза и спросилъ: «какой дуракъ тебя за этимъ прислалъ?» «Я самъ пришелъ», отвѣчалъ онъ. «Ну, такъ, стало быть, ты самъ и есть дуракъ этотъ. Когда ты лежалъ у меня подъ ножемъ, то ты говорилъ одно, а когда поѣхалъ жаловаться, такъ, чай, говорилъ другое, теперь же выдумалъ третье; поди же съ Богомъ, отпускаю тебя здрава и невредима, съ тѣмъ уговоромъ, что если ты

когда нибудь и кому нибудь помянешь о томъ, что я тебя ограбилъ, то припасай у меня сейчасъ же опять на сто человѣкъ; да, я тебя еще разъ заставлю накормить ихъ!»

Получивъ громкое имя на всю округу, я вскорѣ набралъ себѣ отважныхъ товарищей, съ условіемъ никого напрасно не обижать, грабить не для корысти, а ради голода и голодныхъ. Такимъ образомъ, я дѣлалъ набѣги въ разныя стороны, то на жителей, то на проѣзжихъ, но всегда только на людей достаточныхъ, и, притомъ, на такихъ, которые бѣднымъ ничего не даютъ. Я всегда отбиралъ у нихъ не болѣе, какъ положено было по закону, то есть четвертую часть, потому что хотя это приказаніе начальства и было объявлено, но оно никѣмъ не исполнялось. Бѣдные, зная, что приказаніе такое есть, еще болѣе встревожились и роптали; зажиточные также были недовольны, уклонялись и скрывали достатокъ свой какъ могли, что и рождало повсемѣстное безпокойство. Я завелъ у себя народную кухню, гдѣ каждый день пекли и варили все, что я добывалъ,

не заботясь о завтрашнемъ днѣ, и сестры мои съ братомъ одѣляли всякаго, кто приходилъ и садился подъ навѣсъ моей сакли. Я доставлялъ домой черезъ товарищей моихъ все, что могъ добыть, а самъ изрѣдка только навѣдывался, для порядка. Мало по малу дошло до того, что ни одинъ почти зажиточный человѣкъ не смѣлъ прогонять голоднаго отъ своего порога безъ подаянія, потому что лишь только бѣднякъ приходилъ въ саклю мою и объявлялъ объ этомъ сестрамъ, какъ онѣ давали мнѣ знать, и я отправлялся для наказанія виноватаго.

Однажды навѣдался я домой и, сдѣлавъ порядочный запасъ съѣстнаго, остался отдохнуть нѣсколько дней. Тутъ пришелъ одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ моихъ и позвалъ меня въ гости къ матери своей, моей теткѣ, жившей отъ Гадазихора верстахъ въ сорока. Дорога наша лежала черезъ Кубу. Не доходя до города, брату моему вдругъ сдѣлалось дурно, и онъ почти не могъ далѣе итти. Мы рѣшились отдохнуть въ одномъ загородномъ саду,

вошли туда, присѣли и сказали подошедшему хозяину, что мы–де пришли къ тебѣ въ гости; коли примешь, то попотчуй насъ плодами. Между тѣмъ, стало смеркаться. Хозяинъ послалъ мальчика, который и принесъ намъ плодовъ, а самъ тотчасъ удалился. Черезъ полчаса мы вдругъ были окружены народомъ; ночь была свѣтлая, и я замѣтилъ, что было человѣкъ до двадцати. Тутъ нѣкоторые подошли и стали спрашивать, какіе мы люди и зачѣмъ сюда зашли. Я сказалъ, что идемъ туда–то, что ночь насъ застигла, а братъ мой сдѣлался нездоровъ, почему и попросились у садовника переночевать. Они отвѣчали, что лезгинъ приказано брать, гдѣ попадутся, потому что они нынѣ много шалятъ, и доставлять въ городской судъ. Я отвѣчалъ, что мы не изъ тѣхъ лезгинъ, которыхъ велѣно брать, а изъ мирныхъ; но они сказали: «мы этого не знаемъ; сложите съ себя оружіе, ступайте съ нами въ городъ: тамъ и оправдаетесь.» Я возражалъ, что мы никакого насилія, ни обиды не дѣлали, попросились ночевать изъ

чести, а за это–де еще не за что брать и доставлять въ судъ; но что я имъ ни говорилъ, они ничего не хотѣли слышать, а начали кричать, грозить и подступать ближе, готовясь взять насъ силой. Тогда я толкнулъ брата, чтобы онъ всталъ, ударилъ одного человѣка въ голову стволомъ ружья, онъ упалъ, толпа съ крикомъ разступилась, и мы побѣжали изъ саду. Но братъ мой, будучи слабъ, не могъ долго бѣжать: его взяла одышка; онъ остановился и кричалъ мнѣ, чтобы я его не покидалъ. Я воротился, и толпа, погнавшаяся за нами, опять на насъ напала. Тутъ я одного поймалъ и далъ ему четыре раны кинжаломъ; тогда прочіе всѣ отступились и кричали мнѣ: «отпусти его, мы васъ оставимъ, мы не станемъ за вами гнаться!» Я его отпустилъ, мы пошли шагомъ, а они надумались, опять догнали насъ и непремѣнно хотѣли меня взять. Я разсердился, сталъ обороняться не шутя и ранилъ еще двоихъ: одного изъ ружья, а другаго кинжаломъ. Тутъ только они насъ оставили совсѣмъ. И за дѣломъ гнались: чтобы дать переранить четырехъ человѣкъ!

Между тѣмъ, братъ мой сдѣлался сильно нездоровъ и едва могъ итти, даже когда я его велъ подъ руку. Подходя уже къ городскимъ воротамъ, мы опять услышали за собою толпу народа; къ счастію, поблизости случился оврагъ, въ который мы успѣли во–время скрыться. Толпа прошла мимо насъ: это несли одного изъ тѣхъ, котораго я ранилъ. Изъ разговоровъ ихъ я услышалъ, что одинъ изъ этихъ людей знаетъ меня; онъ называлъ меня по имени, упрекалъ прочихъ за неосторожность ихъ: «я вамъ не совѣтовалъ связываться съ нимъ, говорилъ онъ: — я знаю, каковъ онъ; вотъ вы и надѣлали дѣла.» Отдохнувъ и переспавъ немного въ полѣ, мы опять пошли, и я на другой день довелъ брата моего къ матери его. Когда онъ разсказалъ, что съ нами было, то она много благодарила меня, что я не покинулъ сына ея, и просила погостить; но я остался одинъ только день и воротился домой, чтобъ продолжать свое дѣло.

Спустя мѣсяца три, впродолженіе которыхъ я съ товарищами управлялся тутъ

и тамъ по прежнему, князь Асланъ–ханъ, жившій въ Кумыкѣ, отъ насъ верстъ со сто, прислалъ за мною гонца, чтобы звать меня къ себѣ. Я поѣхалъ. Асланъ–ханъ тотчасъ позвалъ меня и спросилъ: «ты ли сынъ Маймада–али и внукъ Пыръ–али?» — Я отвѣчалъ, что слуга твой. «Я зналъ твоего дѣда, продолжалъ Асланъ–ханъ: — онъ былъ храбрый воинъ, мы съ нимъ хлѣбъ–соль важивали; а о тебѣ слышно, что ты ему не уступаешь и пугаешь много народу; такъ ли это?» Я отвѣчалъ, что дѣйствительно такъ, разсказалъ все подробно и объяснилъ причину, почему и для чего я такъ дѣйствую, то есть что именно меня заставило сдѣлаться разбойникомъ. «Но я знаю, что все это можетъ оправдать меня передъ совѣстію моею, но не передъ начальствомъ. Я передъ вами виноватъ; есть воля ваша сдѣлать надо мною, что угодно; я готовъ положить голову на плаху.» Асланъ–ханъ отвѣчалъ: «я не за тѣмъ призвалъ тебя, чтобы казнить; я тебя звалъ въ гости къ себѣ; мнѣ хотѣлось посмотрѣть на тебя и услышать

изъ твоихъ устъ подробности твоихъ дѣйствій. Ты достоинъ своего дѣда Пыръ–али; въ тебѣ есть сердце. Останься у меня и погости недѣлю.»

Проживъ у Асланъ–хана недѣлю въ добромъ привѣтѣ и чести, я пришелъ откланяться, а онъ мнѣ предложилъ остаться у него совсѣмъ; но я отвѣчалъ, что почиталъ бы за счастье сложить голову свою на службѣ Асланъ–хана, если бы меня не связывала клятва обрека, «а потому я прошу отпустить меня: покуда будетъ продолжаться голодъ, я долженъ кормить бѣдный народъ. Безъ меня никто этого не сдѣлаетъ. Прошу васъ въ несчастномъ случаѣ защитить меня; если же все благополучно кончится, то я со всѣмъ семействомъ перейду къ вамъ и буду вамъ вѣрнымъ рабомъ.»

Асланъ–ханъ одѣлъ меня въ хорошее платье, одарилъ конемъ, кольчугой, полнымъ оружіемъ и отпустилъ съ честью.

Прибывъ домой, я сталъ продолжать ремесло свое, и разныхъ случаевъ было столько, что нельзя ихъ пересчитать; но я

строго наказывалъ товарищамъ и требовалъ отъ нихъ въ томъ клятвы, чтобы не убивать людей, а только отбирать частицу, у зажиточныхъ обывателей и богатыхъ проѣзжихъ купцовъ, для насущнаго хлѣба на себя и на нищую братію. Во дворѣ моемъ дымъ курился день и ночь, все пекли и варили, сестры мои хозяйничали и кормили досыта всякаго захожаго. Вокругъ Гадазихора поселились цѣлые таборы нищихъ.

Прошло съ полгода. Въ шайкѣ моей былъ одинъ купеческій сынъ изъ самой Кубы, родомъ тамошній персіянинъ. Онъ познакомилъ меня со своимъ семействомъ, и я, ввѣрившись въ него, уже нѣсколько разъ ночевывалъ у него въ домѣ. Однажды онъ также звалъ меня къ себѣ въ гости, по поводу праздника, и я, согласившись, взялъ еще съ собою другаго очень надежнаго товарища. На пути товарищъ этотъ говоритъ мнѣ на нашемъ лезгинскомъ языкѣ, котораго персіянинъ не понималъ: — «позволь, атаманъ, я его убью.» Я изумился и сказалъ: «что ты это говоришь?

или ты въ горячкѣ? чтобъ я впредь этого никогда не слышалъ; за что? мы не убиваемъ и постороннихъ людей, а станемъ рѣзать товарищей?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ: — онъ намъ не будетъ товарищемъ, а скорѣе измѣнникомъ и предателемъ: какой товарищъ персіянинъ лезгинцу? Сердце мое никогда не обманываетъ ни себя, ни другихъ, а я сердцемъ слышу, что онъ насъ продастъ: не ѣзди съ нимъ, Асанъ!» — «Пустое, сказалъ я: — они люди добрые, я ужь нѣсколько разъ у него ночевалъ.» Поѣхали дальше.

Не доѣзжая города, мы остановились въ ближайшемъ лѣску, а персіянинъ мой сказалъ: «отдохните здѣсь, а я поѣду впередъ и осмотрюсь немного и привезу закусить: вамъ, какъ лезгинцамъ, надо остерегаться.» Онъ поѣхалъ, мы остались, и вдругъ, отколѣ ни возьмись ворона, стала все летать около насъ, садиться на деревья и каркать. «Видишь ли, сказалъ товарищъ: — что не къ добру мы ѣдемъ: воля твоя, а я ворочусь, да и тебѣ совѣтую сдѣлать тоже.» Не захотѣлось мнѣ

послушаться вороны, глупой птицы, которая каркаетъ безъ толку весь день, а пуще того показалось стыдно уйти такимъ образомъ, будто я не смѣлъ покинуть своего персіянина въ глаза, а когда онъ удалился, то тайкомъ уѣхалъ. Я остался. «Какое будетъ приказаніе твое, спросилъ меня лезгинъ, сѣвъ на лошадь: — если ты не воротишься?» — «Приказываютъ живые люди, а не мертвые, сказалъ я: — а когда не ворочусь, то, стало быть, меня не будетъ въ живыхъ. А завѣтъ мой: не грабить изъ корысти, а только ради голода; не убивать людей, не обижать бѣдняковъ.»

Персіянинъ воротился, не привезъ ничего, сказавъ, что не нашелъ, а звалъ къ себѣ въ домъ, гдѣ все будетъ приготовлено. «Гдѣ же товарищъ нашъ?» — «Воротился, сказалъ я: — онъ до вечера выждетъ насъ у подгорнаго лѣсу.» Я замѣтилъ, что лошадь персіянина была порядочно упарена и что онъ, стало быть, ѣздилъ куда нибудь спѣшно и гналъ, хоть къ намъ и подъѣхалъ шагомъ. Одного этого было бы уже достаточно, чтобы остеречь меня и чтобы

мнѣ послушаться своего лезгинца; но, видно, ужь судьба моя исполнилась и тянула меня въ бѣду. Мнѣ показалось такъ стыдно не повѣрить испытанному товарищу, хоть и персіянину, что я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ съ нимъ.

Мы прибыли къ нему въ домъ къ ночи. Меня приняли ласково, угостили; а потомъ я попросилъ своего хозяина сходить за однимъ знакомымъ моимъ, чтобы съ нимъ увидаться. Онъ ушелъ и долго пропадалъ. Было поздно, мнѣ подали подушку, и я прилегъ, а братъ хозяйскій сѣлъ возлѣ меня и разговаривалъ. Наконецъ приходитъ и самъ онъ и говоритъ, что долго искалъ того человѣка, насилу нашелъ, и онъ скоро будетъ, потомъ, подойдя ко мнѣ, спросилъ у своихъ какую–то вещь и нагнулся черезъ меня, какъ будто искалъ ее, въ ту же минуту братъ его схватилъ меня за руки, а онъ упалъ ко мнѣ на грудь, оба они закричали громко, дверь отворилась, и вошелъ офицеръ съ командой. Меня схватили столько человѣкъ, сколькимъ можно къ одному человѣку приступиться,

обезоружили, связали и вывели на дворъ. Тутъ я увидѣлъ, что весь домъ окруженъ солдатами и казаками. Заковавъ меня, отвели подъ стражу.

На другой день привели меня къ начальнику. «Ну, храбрый рыцарь, сказалъ онъ: — попался! Довольно тебя искали! Жалобъ на тебя также довольно; а что ты самъ скажешь, много ли ты душъ погубилъ?» — «Ни одной, отвѣчалъ я: — но все таки виноватъ, какъ разбойникъ и грабитель. Я свое дѣло кончилъ; судьба моя свершилась; дѣлайте вы свое, я роптать не стану.» — «Ты отвѣчаешь бойко, сказалъ онъ: — не думаешь ли еще, что можешь быть прощенъ?» — «Нѣтъ, не думаю, отвѣчалъ я: — вы славитесь какъ начальникъ справедливый; а какой же справедливый начальникъ можетъ простить разбойника? Меня слѣдуетъ казнить.»

Меня посадили въ арестантскую. Заключенные разговаривали между собою, и вѣря и не вѣря, чтобы это былъ я. Одинъ, лежавшій на нарахъ, съ завязанною головой, всталъ, подошелъ, узналъ меня и

бросился мнѣ въ ноги. Онъ былъ изъ моей шайки, раненъ на грабежѣ и съ отрубленнымъ ухомъ попался въ плѣнъ. Они разсказали мнѣ, что прошла молва, будто я намѣревался ворваться въ Кубу и освободить всѣхъ арестантовъ — чего у меня никогда и въ помыслѣ не бывало — и по этому поводу стали искать и ловить меня еще настоятельнѣе прежняго. Оказалось, что персіянинъ мой самъ разгласилъ слухъ этотъ, чтобы придать измѣнническому дѣлу своему болѣе важности и цѣны.

На другой день повели меня къ коменданту, который тотчасъ узналъ меня, судивъ нѣсколько лѣтъ тому, какъ я уже сказывалъ, за раненыхъ мною двухъ братьевъ. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, что я вдался въ такое дѣло, и сказалъ: «молодъ ты еще, а проказилъ много.» На допросахъ я показывалъ все, что зналъ и помнилъ, по всей справедливости. Когда меня проводили по улицамъ, то стало собираться много народу и иные называли меня благодѣтелемъ и кормильцемъ; поэтому

стали меня возить, приказывая скорѣе ѣхать.

Недѣль черезъ шесть Асланъ–ханъ узналъ о моей участи и прислалъ сына своего съ письмомъ, чтобы за меня просить. Побывавъ у коменданта, онъ пришелъ и ко мнѣ, въ арестантскую, и уговаривалъ меня, чтобъ я не горевалъ, обнадеживая ходатайствомъ отца своего. Но я ему сказалъ, поблагодаривъ почти со слезами, что напрасно онъ безпокоится, а пути въ этомъ не бывать. «Я столько знаю порядокъ, и дѣла, и людей, что никакого помилованія ожидать не могу. Я обрикъ, это извѣстно всякому: какое жь бы это было начальство, если бы оно обрековъ отпускало? Этому не можетъ быть. Судьба моя совершилась. Вотъ все.»

Проживъ двѣ недѣли, навѣдывая меня часто и одаривъ меня деньгами, сынъ Асланъ–хана принужденъ былъ подняться опять съ ближними и нукерами своими, которыхъ было человѣкъ до двухсотъ, и возвратиться къ отцу съ рѣшительнымъ отказомъ коменданта, который сказалъ, что

онъ во мнѣ не властенъ, а судить будетъ законъ.

Черезъ нѣсколько времени навѣстили меня два купца, принесли гостинца и спросили, узналъ ли я ихъ. — «Нѣтъ, не узналъ», сказалъ я. «Всмотрись хорошенько: мы носимъ еще знаки отъ твоей руки», продолжали они, разсказавъ, что были въ числѣ раненыхъ въ тотъ вечеръ, когда меня съ больнымъ братомъ хотѣли захватить въ саду. Они также разсказали мнѣ, что никто не умеръ отъ ранъ, а всѣ давно выздоровѣли. — «Простите меня, сказалъ я: — теперь я буду отвѣчать за все.» «Нѣтъ, мы сами виноваты, сказали они: — одинъ человѣкъ узналъ тебя и уговорилъ насъ всѣхъ, чтобъ поймать тебя и отличиться передъ начальствомъ, потому что за тебя была обѣщана награда. Мы были у допроса, но на тебя не показали, потому что ты дѣлалъ болѣе добра, чѣмъ зла, а этого можно сказать не о всѣхъ людяхъ, хотя они и не разбойники.» «Спасибо на добромъ словѣ, сказалъ я: — но мнѣ теперь все равно; я не

думаю о томъ, чтобы оправдываться, и самъ первый на себя докащикъ.»

Два года сидѣлъ я въ кандалахъ, покуда длилось разбирательство, хотя я ни въ чемъ не отпирался; иногда позволяли кой–кому навѣщать меня, и у меня бывали дяди мои, Улъ–ага и Асанъ, да навѣстила еще разъ добрая душа, и Богъ вѣсть, какъ она прошла ко мнѣ и одна меня допросилась. Меня однажды вечеромъ вызвали изъ арестантской, сказавъ, что пришла сестра; я этому очень удивился, не полагая, чтобы сестру мою такъ отпустили, одну, и чтобы она, какъ молодая дѣвушка, могла отъискать меня по острогамъ. Выхожу — и вижу въ углу сѣней женщину, закрывшую лицо свое до половины платкомъ; съ перваго взгляду узналъ я Гюзель. «Зачѣмъ ты пришла, сказалъ я: —тревожить и себя и меня, и подвергать, сверхъ того, безъ пользы, жизнь свою опасности? Если мужъ твой узнаетъ объ этомъ, то, вѣроятно, убьетъ тебя.» Мы говорили полезгински, и насъ никто не понималъ. «Все равно, сказала она: — судьба твоя свершилась, —

свершилась и моя; я хотѣла видѣть тебя еще разъ. Скажи мнѣ, ты пропалъ?» — «Пропалъ, отвѣчалъ я: — считай, что меня нѣтъ на свѣтѣ.» «Прощай же, и Богъ съ тобой, сказала она: — буду думать, что видѣла мертваго; но и къ мертвому ходятъ прощаться».

Наконецъ мы слышимъ съ вечера, что троимъ изъ насъ вышло рѣшенье, но неизвѣстно кому. По утру вызвали меня, повели на площадь, гдѣ было выстроено войско, прочитали приговоръ и прогнали черезъ 500 человѣкъ. Вскорѣ опять навѣстилъ меня дядя. Я просилъ его привезти ко мнѣ какъ можно скорѣе брата и обѣихъ сестеръ, чтобъ съ ними проститься; но на другой же день рано утромъ подъѣхала къ острогу повозка, вышелъ офицеръ, потребовалъ меня и объявилъ мнѣ рѣшеніе отправляться въ Финляндію, въ тамошніе полки на службу. Онъ далъ мнѣ отъ себя денегъ на дорогу, обнадеживалъ чѣмъ могъ и спрашивалъ, нѣтъ ли у меня здѣсь какихъ нибудь нужныхъ порученій. Я заплакалъ,

благодарилъ его и почти безъ памяти сѣлъ въ повозку; особенно больно мнѣ было, что, не видаясь два года съ сестрами и братомъ, для которыхъ я сдѣлался разбойникомъ, уѣзжаю навсегда и не могу съ ними проститься. Конвойные казаки сказали: «пошелъ!» и повозка покатилась. Долго я лежалъ ничкомъ и не хотѣлъ даже взглянуть по сторонамъ.

Въ Шемахѣ на нѣсколько дней остановились, перековали кандалы мои и погнали съ другими арестантами пѣшихъ. На первой верстѣ я растеръ ноги въ кровь, однакожь, дошелъ до ночлега, не жалѣя плоти своей. По утру не могъ я двинуть и переставить ногъ; но какъ велѣли итти, то я опять подумалъ, что мнѣ жалѣть себя нечего, и пошелъ. Товарищамъ страшно было на меня смотрѣть, и я ихъ задерживалъ; они стали проситься итти впередъ, а я, противъ воли своей и сколько ни силился, отставалъ. При входѣ черезъ деревню намъ попалась встрѣчу старуха; взглянувъ на мои ноги, она вскричала: «Боже мой! неужели и моего сына вели

такъ?» и сама упала къ моимъ ногамъ; тогда мнѣ стало жаль ее, болѣе чѣмъ себя... Поздно дотащился я до привалу, гдѣ прочіе давно ужь расположились, поѣли и отдохнули; меня спросили: «ну, какъ ты дошелъ?» — «Вы видѣли сами, сказалъ я: — и конвойный мой видѣлъ.» — «Не зналъ я прежде, сказалъ тотъ же: — что ты лезгинъ Асанъ, и что бралъ дань съ купцовъ и жидовъ; что же ты не обложилъ данью шемахинцевъ, какъ проходилъ городъ?» — Я сказалъ: «если бы ты у меня спросилъ объ этомъ тогда, когда я бралъ дань, то я бы тебѣ отвѣчалъ на это.» Между тѣмъ, пришла къ намъ та же старуха, съ племянникомъ, принесла намъ ужинать, сѣла и начала плакать по сынѣ. «Не плачь, старуха, сказалъ я: — у Бога много людей.» — «У Бога много, сказала она: — да у меня былъ одинъ», и спрашивала, отчего нѣтъ для насъ подводъ. И пошла къ начальнику и стала просить, чтобъ позволилъ ей дать для насъ пару воловъ, до слѣдующаго селенія; онъ же сказалъ: «если таково усердіе твое, то, пожалуй, дай.»

Такимъ образомъ, мы отправились на волахъ; а на дорогу она напекла намъ и наварила много. Далѣе самъ начальникъ сталъ требовать подводу для слабыхъ. На пятый день прибыли мы въ Нуху; тутъ я уже былъ въ такомъ положенiи, что не могъ слѣдовать дальше. Меня расковали, оставили на недѣлю, а тамъ везли на однихъ только ручныхъ кандалахъ до Тифлиса.

Въ Тифлисѣ я принялъ присягу на службу; меня обмундировали, и сталъ я русскiй солдатъ, но все еще былъ подъ карауломъ. Вскорѣ насъ отправили. Дорогою товарищи уговаривались было бѣжать; но я ихъ отговаривалъ, сказавъ, что вы только сами себя погубите, а уйти не уйдете; пойдемъ впередъ, посмотримъ, что тамъ будетъ, можетъ быть, и хорошо. Такимъ образомъ, шли мы на многiе города и наконецъ черезъ Петербургъ до Выборга и были въ дорогѣ всего отъ Кубы десять мѣсяцевъ.

Въ Выборгѣ опредѣлили меня въ батальонъ и держали уже не какъ

арестанта, а какъ рекрута. Командиръ осмотрѣлъ меня, говорилъ со мною и приказывалъ отправиться въ роту и дать хорошаго дядьку: «онъ будетъ хорошій солдатъ», сказалъ онъ, ударивъ меня по плечу. Это было 8 сентября, день ротнаго праздника, и я, по приказанію адьютанта, поздравилъ фельдфебеля. Онъ принялъ меня хорошо, приставилъ ко мнѣ добраго и старательнаго солдата; всѣ товарищи меня вскорѣ полюбили и не могли наслушаться моихъ разсказовъ; капитанъ былъ мною доволенъ, и я также долженъ былъ его полюбить, потому что онъ былъ къ намъ правдивъ и заботливъ. А кому какая до того нужда, коли я скажу, что скучалъ до смерти? Я родился и выросъ въ горахъ, вольнѣе козы дикой... но я хотѣлъ служить честно и вѣрно, потому что первая моя судьба совершилась и ея не воротишь, а теперь началась другая...

Черезъ полгода намъ сказанъ былъ походъ подъ Кимзоль. Дядька спросилъ меня: «есть ли у тебя деньги на дорогу?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ я: — ни копейки.» — «Ну,

хоть бы занялъ у кого; послѣ выработаешь, отдашь», сказалъ онъ. Я попросилъ у одного товарища, у котораго, какъ я зналъ, были деньги; онъ отвѣчалъ: «хорошо, Асанъ, я тебѣ дамъ деньжонокъ, только ты меня слушайся и дѣлай, что я велю: гдѣ увидишь хорошіе сапоги у чухонъ, либо рубаху, или что другое, бери и неси ко мнѣ; солдатъ — багоръ: что зацѣпилъ, то и потащилъ.» Я сказалъ: «научилъ бы ты меня доброму, такъ я бы и даромъ послушался, а этой науки мнѣ и за деньги не надо.» — «Какъ, сказалъ онъ: — да вѣдь ты же, говорятъ, грабилъ дома и на разбой ходилъ?» — «Коли объ этомъ толковать, сказалъ я: — такъ мы, братъ, съ тобой и вѣкъ не столкуемся. Господь съ тобой.»

На другой день мы отправились въ походъ. Мнѣ стало повеселѣй; устали не слышалъ я никакой, а только словно становилось мнѣ вольнѣй и легче. Я забавлялъ товарищей своими пѣснями и пляской; они смѣялись, и я смѣялся, а сердце у меня плакало... чего не припоминалъ я за этими пѣснями!

Пришли мы на первый привалъ, ружья въ козлы, и легли отдыхать. Когда все вокругъ меня стихло, то меня прошибла слеза... между тѣмъ, слышу, что не вдалекѣ одинъ офицеръ говоритъ капитану: «Ну, молодецъ вашъ черкесъ: вѣдь всѣ пятьнадцать верстъ пропѣлъ да проплясалъ.» — «А гдѣ онъ? пошлите его сюда, сказалъ капитанъ. Есть ли у тебя деньжонки?» спросилъ онъ. — «Нѣтъ ни копѣйки.» Онъ далъ мнѣ пять рублей, сказавъ: «Поди, выпей рюмочку». Я отвѣчалъ, что отроду вина не пилъ. «Ну, такъ купи себѣ чего нибудь поѣсть», сказалъ онъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что у меня сапоги тѣсноваты, и велѣлъ мнѣ ранецъ положить на повозку.

Товарищи, узнавъ объ этомъ, стали говорить. «А что, Асанъ, тебя надо поздравить: пойдемъ да поднеси по маненькой.» Я отвѣчалъ, что товарищамъ никогда и ни въ чемъ не отказывалъ; пойдемъ. Я поднесъ имъ и дядькѣ. Тутъ входитъ капральный; они стали говорить: «Ну, для капральнаго надо полштофъ.» —

«Нѣтъ, братцы, отвѣчалъ я: — этому не бывать; по одной выпили и довольно, одну поднесу и капральному; а деньги понадобятся впередъ.» Капральный сказалъ, что это правда, и велѣлъ мнѣ деньги беречь.

Вскорѣ мы дошли, и насъ разставили по квартирамъ. Тутъ намъ было хорошо, и работалъ, кто хотѣлъ, на себя. Переходя съ мѣста на мѣсто, пробыли мы тутъ всего два года. Я обжился, свыкся съ товарищами; а начальники меня любили. Наконецъ мы опять воротились въ Выборгъ.

Въ 1840 году пріѣхалъ туда гвардейскій офицеръ, для выбора людей въ гвардію. Проходя по фронту, онъ выдвинулъ и меня впередъ; но батальонный командиръ сказалъ ему что–то по–французски, и тотъ осадилъ меня опять назадъ, въ строй. Со мной стоялъ одинъ разжалованный въ солдаты. Онъ перевелъ мнѣ послѣ слова нашего майора, что–де «этотъ сданъ въ солдаты съ Кавказа, изъ горцевъ, за большое преступленіе и безъ выслуги.» Услышавъ это, я вдался въ такую тоску,

что у меня отпала охота къ службѣ и ко всему на свѣтѣ. Я положилъ бѣжать.

Это было въ іюнѣ. На другой день я вышелъ часу въ девятомъ утра, оглянулся и подумалъ: бывало, не разбиралъ я ни дней, ни часовъ, а смѣло шелъ куда хотѣлъ... разъигралась во мнѣ былая кровь; взялъ я ломоть хлѣба, сколько можно было спрятать подъ шинель, да сапожный ножъ, и пустился въ путь.

Двое сутокъ шелъ я глухими мѣстами, и больше ночью. Хлѣба у меня нестало. На третьи сутки въ ночи вышелъ я на деревню. Увидавъ въ полѣ лошадь, я ее поймалъ, привелъ въ деревню, нашелъ на одномъ дворѣ рогожу, перекинулъ ее черезъ лошадь, сѣлъ и поѣхалъ охлябь. Подъѣзжаю къ рѣчкѣ, на которой былъ мостъ, и вижу, что тутъ стоятъ казаки. Подумавъ, я рѣшился проскакать очертя–голову, надѣясь прорваться; но на мосту встрѣтили меня двое пѣшихъ казаковъ, я назадъ — и тамъ двое; лошадь испугалась, кинулась въ сторону, споткнулась и упала, а я съ нея черезъ голову. Казаки бросились

на меня; но я успѣлъ выхватить ножъ, закричалъ на нихъ, вырвался и пустился бѣжать. Они за мной. Въ деревнѣ услышали крикъ; а какъ это было на зарѣ, то и мужики также за мной погнались. Я кинулся стороной въ болото, перебѣжалъ его легко, а они вязли. За болотомъ побѣжалъ я по тропинкѣ и, наткнувшись на мостокъ, спрятался подъ него въ траву. Въ это время поднялась сильная буря съ дождемъ и загладила слѣдъ мой по травѣ, отъ росы; поэтому они, походивъ долго въ окружности и возвращаясь нѣсколько разъ опять къ мосту, не нашли, однакожь, меня, потеряли слѣдъ и ушли.

Пролежавъ на одномъ мѣстѣ съ самаго разсвѣта часу до пятаго вечера, между тѣмъ, какъ дождь все шелъ, я рѣшился итти дальше, потому что голодъ меня выживалъ, какъ–то не лежалось. Прійдя къ озеру, изъ котораго вытекала рѣчка, я раздѣлся и переплылъ ее, выжалъ платье свое, но, пройдя нѣсколько далѣе, очень отощалъ. Я пошелъ въ лѣсъ, наѣлся ягодъ и тутъ же переночевалъ. На слѣдующую ночь я

пришелъ въ русскую деревню; но я такъ ослабѣлъ, что отдыхалъ на каждой верстѣ, и то въ–силу дотащился. Войдя въ одинъ изъ дворовъ, увидѣлъ я три коровы. Выбравъ дойную, я погладилъ ее, поласкалъ и принялся сосать молоко. Это меня очень свѣжило, и я пошелъ дальше. Наконецъ на пятый день пришелъ я въ одну изъ тѣхъ чухонскихъ деревень, гдѣ мы квартировали; здѣсь я зналъ одну добрую старушку, и хотя было около полуночи, но я пошелъ прямо къ ней и вошелъ въ избу. Сынъ ея меня окликнулъ; я назвался по имени; онъ удивился, сказавъ: «Какъ такъ? вѣдь вы въ Выборгѣ?» — «Мы опять пришли къ вамъ на квартиры.» Онъ разбудилъ мать, которая зажгла огня и стала меня распрашивать. — «Матушка, сказалъ я: — все разскажу, что хочешь, и тебя стану слушать, только, ради Бога, сперва накорми.» Она принесла хлѣба, молока и масла; я кинулся съ жадностію, укусилъ кусокъ, а ѣсть не могу. «Что это? спросила она: — что же ты не ѣшь?» — «Вамъ это въ новинку, отвѣчалъ я: — а мнѣ

оно съ молодыхъ лѣтъ знакомо. Я пятый день не ѣлъ; помираю съ голоду, только.» Она заплакала, принесла сливокъ, велѣла мнѣ выпить, а сама, всплескивая руками, приговаривала: «Геръ–Езусъ! что ты сдѣлалъ? тебѣ будетъ худо!» — «Худаго я много видѣлъ, матушка, отвѣчалъ я: — такъ ужь обтерпѣлся. Видно, такая моя судьба.»

Отдохнувъ немного, поѣвши и оправясь, я опять пустился въ дорогу. Старушка дала мнѣ на дорогу хлѣба, масла, трутъ, кремень и огниво. Что дальше, то мнѣ опаснѣе было продолжать путь въ солдатской одеждѣ, и я сталъ думать о томъ, чтобы ее сбыть. Только что я подумалъ объ этомъ, среди бѣлаго дня, какъ идетъ встрѣчу мнѣ чухонецъ, въ бѣломъ балахонѣ своемъ, и, не дойдя до меня, остановясь кричитъ. «Куда идешь? Здѣсь солдатъ нѣтъ!» Я подошелъ поближе и, увѣряя его, что тутъ должны стоять солдаты, вдругъ выхватилъ ножъ свой, поймалъ мужика за воротникъ и потащилъ съ дороги въ лѣсъ. Чухонецъ сильно перепугался и приговаривалъ все одно: «Помилуй, пусти!» Я велѣлъ ему

тотчасъ раздѣться и разуться, самъ сдѣлалъ тоже и, заставивъ его надѣть на себя свою солдатскую одежду, отпустилъ, сказавъ: «Ступай, братъ, на мое мѣсто.» Отойдя еще дальше въ лѣсъ, я наточилъ ножъ свой о камень и сбрилъ усы и бакенбарты: такъ я и сдѣлался чухной.

Не смѣя выйти поблизости на дорогу, потому что новый солдатъ мой, вѣроятно, надѣлалъ тревоги, я пошелъ опять въ перевалъ, раздумывая про себя, какъ–то онъ, сердечный, удивитъ всю деревню свою, выйдя изъ нея утромъ мужикомъ, а воротясь къ обѣду въ солдатской шинели, брюкахъ, сапогахъ и въ фуражкѣ. Между тѣмъ, я на третій день вышелъ опять на деревню, проплутавъ самыми глухими мѣстами. Я сталъ осторожно обходить ее и наткнулся на троихъ ребятъ, которые пасли овецъ. Я было сталъ спрашивать ихъ, гдѣ дорога въ Петербургъ; но они не знали ни слова по русски, и я пошелъ дальше. Увидавъ въ сторонѣ большое строеніе, я рѣшился, на счастье, итти прямо туда, но встрѣтилъ двухъ бабъ, которыя сказали

мнѣ, что это стеклянный заводъ, указали, какъ выйти на петербургскую дорогу, и сказали: «Иди, коли хочешь съ нами; мы идемъ туда же.» Я пошелъ съ ними, но сталъ немного опасаться, потому что онѣ повели меня опять назадъ, въ деревню. Поглядѣвъ на меня и поговоривъ между собой по своему, онѣ спросили меня: «Какъ же такъ, ты одѣтъ по чухонски, а говоришь по русски?» Я сказалъ, что жилъ тутъ въ работникахъ, но по чухонски еще не выучился. Онѣ заговорили между собой такъ, что мнѣ показалось подозрительно. Я остановился, будто зачѣмъ нибудь, а онѣ, отойдя немного, стали меня дожидаться. Тогда я отошелъ въ лѣсъ и тамъ пустился бѣгомъ въ сторону и наткнулся прямо на кружокъ мужиковъ и бабъ, которые обѣдали. Я остановился. Они стали меня подзывать; но я пошелъ въ сторону и, отойдя довольно далеко, присѣлъ, досталъ остатки харчей своихъ и принялся ѣсть. Вдругъ стоитъ передо мной чухонецъ высокаго росту и спрашиваетъ по русски, какой я человѣкъ и что тутъ дѣлаю. Я

сказалъ, что работникъ русскій, иду домой; но онъ, принадлежа, вѣроятно, къ числу видѣвшихъ меня прежде и догадываясь, что я долженъ быть бѣглый, велѣлъ мнѣ тотчасъ итти за нимъ, а если не пойду, то свяжетъ. «Нѣтъ — подумалъ я — ты, братъ, не поймавъ щиплешь», самъ выхватилъ ножъ и бросился на него; онъ отшатнулся, а я побѣжалъ въ сторону. Пробѣжавъ немного, я вышелъ на дорогу и тутъ увидалъ, что меня окружили: одинъ мужикъ скачетъ прямо на меня верхомъ, а спереди также собрался народъ. Я остановился: наскакавъ на меня, онъ хотѣлъ меня смять лошадью; но я увернулся, схвативъ лошадь за поводъ, и далъ мужику рану ножемъ въ ляшку; онъ закричалъ, свалился, а я вскочилъ на лошадь и поскакалъ назадъ, въ деревню, куда было прежде повели меня бабы. Проскакавъ деревню, я покинулъ лошадь, а самъ бросился опять въ лѣсъ. Опознавшись тутъ, я пошелъ прямымъ путемъ, какъ слѣдовало, вышелъ на дорогу и ночью

пришелъ въ Дранишники, что за третьимъ Парголовымъ.

Тутъ я вошелъ потихоньку въ избу, гдѣ всѣ спали, и въ томъ числѣ трое солдатъ. Я нашелъ хлѣба ломоть, вышелъ опять на дворъ и увидалъ каморку, гдѣ ключъ торчалъ въ замкѣ. Войдя въ каморку, нашелъ я тамъ ларчикъ, въ которомъ были чай и сахаръ и 30 коп. сер. Деньги и сахаръ я взялъ, выпилъ двѣ кринки молока и взялъ еще съ собой корзину съ полсотнею яицъ. Отойдя въ лѣсъ и отдохнувъ тамъ, пришелъ я до свѣту въ третье Парголово, гдѣ мнѣ попадается навстрѣчу слѣпой нищій, котораго вела дѣвочка. Я подалъ ему гривну, изъ взятыхъ въ Дранишникахъ, а онъ, кланяясь и благодаря меня, назвалъ *служивымъ*. Я испугался и побѣжалъ отъ него прочь, не понимая, какъ слѣпецъ могъ знать, кто я. Стало быть, зрячій и подавно меня узнаетъ? На меня напалъ такой страхъ, что я не смѣлъ взглянуть ни на одного встрѣчнаго человѣка.

Наконецъ дохожу я до Литовскихъ казармъ. Не зная, куда мнѣ дѣваться и

куда итти, сталъ я бродить по улицамъ и попалъ на Петербургскую сторону; а, между тѣмъ, корзина съ яйцами все со мною, и одѣтъ я чухонцемъ. Какой–то господинъ спросилъ меня: «Продаешь, что ли?» — «Продаю.» Онъ позвалъ меня въ домъ. Тамъ мы сторговались; но онъ, глядя на меня, спросилъ: «А для чего ты, прійдя въ домъ къ барину, не снимаешь шляпы?» Опасаясь, чтобъ меня не признали по стриженымъ волосамъ, я не смѣлъ снять шляпу и сказалъ, поддѣлываясь, какъ умѣлъ, подъ говоръ чухонца, что у насъ такой манеръ. Расплатясь, онъ меня отпустилъ, приказавъ носить къ нему яйца, масла, сливокъ и цыплятъ, что я и обѣщалъ.

Выйдя на улицу, я увидѣлъ мужика, стоящаго за чаномъ или кадкой и приглашающаго народъ на кислые щи. Мнѣ давно хотѣлось поѣсть горячаго, и я подошелъ, спросилъ на пятакъ щей, но онъ сказалъ: «На пятакъ продажи нѣтъ, а есть на двѣнадцать.» Я отдалъ ему деньги, а онъ подалъ мнѣ бутылку и стаканъ, тогда какъ

я готовился на чашку и ложку. Нечего дѣлать; я не подалъ виду, выпилъ квасъ и пошелъ. Иду, самъ не зная куда, а спрашивать никого не смѣю, да и самъ не знаю, о чѣмъ бы спросить. Знакомаго нѣтъ, гдѣ укрыться, не знаю. Иду я и попалъ въ крѣпость, прошелъ ее и вышелъ на Царицынъ лугъ, а оттуда на Сѣнную. Увидѣвъ двухъ татаръ, я рѣшился подойти къ нимъ и спросить по татарски: «Нѣтъ ли здѣсь купцовъ изъ Грузіи или изъ Туречины?» Назвавъ мнѣ одного извѣстнаго здѣсь купца, спросили они, изъ какихъ я. — «Мусульманинъ», отвѣчалъ я. — «Почему же ты такъ одѣтъ?» Я посмотрѣлъ на нихъ, спросилъ: «А добрые ли вы люди?» и когда они меня въ этомъ завѣрили, то я имъ сказалъ въ двухъ словахъ все. Они объяснили мнѣ, гдѣ живетъ купецъ этотъ; но я, отправясь туда, забылъ, въ чьемъ домѣ, и поэтому стоялъ долго на одномъ мѣстѣ, не зная, какъ и кого спросить. Подходитъ ко мнѣ персіянинъ и говоритъ: «Ты спрашивалъ такого–то?» — «Я.» — «Пойдемъ». Мы

пошли и застали его на полуденной молитвѣ. Окончивъ ее, онъ позвалъ меня и спросилъ: «что тебѣ надо?» Я упалъ ему въ ноги и сказалъ: «Ради Бога и молитвы Корана, которую ты сейчасъ читалъ, защити меня и не дай погибнуть. Мы одновѣрцы: пожалѣй обо мнѣ и помоги.» Я разсказалъ ему все и просилъ найти средство доставить меня въ Грузію или въ Турцію. Онъ, подумавъ, отвѣчалъ: «Себя я погублю, а тебѣ не пособлю. Средствъ такихъ у меня нѣтъ. Я дамъ тебѣ мальчика: онъ отведетъ тебя къ такому–то. Здѣсь есть на службѣ твои земляки: посовѣтуйся съ ними, что они скажутъ.»

И этотъ человѣкъ, къ которому меня привели, выслушалъ меня, покачалъ головой, далъ полтинникъ и послалъ съ тѣмъ же мальчикомъ къ землякамъ моимъ. Прійдя на мѣсто, я мальчика отпустилъ, вошелъ въ комнату и увидѣлъ предъ собой четырехъ лезгинъ; одинъ изъ нихъ, человѣкъ пожилой, игралъ на нашей балалайкѣ. Они посмотрѣли на меня и спросили: «что надо?» Я отвѣчалъ, что

пришелъ наниматься въ работники, слышавъ, что имъ нуженъ человѣкъ. Они улыбнулись и заговорили между собою по лезгински. Сердце у меня обрадовалось. «Дадимъ ему два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, сказалъ одинъ изъ нихъ: — коли пойдетъ, такъ пусть живетъ. А что ты возьмешь?» — «Что другимъ платите, то и мнѣ; а узнаете меня, такъ, можетъ быть, дадите и больше.» Между тѣмъ, я все смотрѣлъ на того, который игралъ: давно я этого не слышалъ, и сердцу моему хотѣлось плакать. «Что ты смотришь? спросили они: — хорошо онъ играетъ?» — «Хорошо, сказалъ я: — никогда не видалъ я такой балалайки; позвольте мнѣ спѣть на этотъ голосъ пѣсню.» Они сказали между собой: «Вотъ чудакъ пришелъ; видно, онъ шутникъ и проказникъ. Посмотримъ, что будетъ. Пусть поетъ»; а мнѣ сказали по русски: «спой.» Я положилъ шляпу свою на полъ, присѣлъ по нашему на корточки и запѣлъ имъ пѣсню, очень извѣстную у насъ, объ одномъ ханскомъ сынѣ, который странствовалъ на чужбинѣ и много

перенесъ горя. Тотъ пересталъ играть и, опустивъ руки, уставилъ на меня глаза, а прочіе встали со своихъ мѣстъ, подошли и смотрятъ на меня въ недоумѣніи.

Когда я кончилъ, то старшій изъ нихъ, положивъ мнѣ руку на плечо и глядя мнѣ прямо въ глаза, сказалъ: «братъ мой, кто ты и какъ ты сюда зашелъ? Мы четыре года здѣсь, а такого человѣка не видали...» Я отвѣчалъ: «говорите со мною по русски; я только пѣсни умѣю пѣть по лезгински.» Они же отвѣчали: «не шути такъ: глядя на тебя и на все странное, что теперь содѣлалось, намъ не до шутокъ; братъ нашъ, говори, кто ты и какая судьба тебя перерядила и привела въ этомъ видѣ къ намъ?» Я спросилъ: «слыхали ль вы въ Кубѣ про джигита Асана?» «Какъ не знать его! отвѣчали они: — онъ при насъ еще былъ пойманъ и сосланъ оттуда въ Сибирь.» «Такъ онъ–то самый и стоитъ предъ вами.» Затѣмъ я разсказалъ имъ все.

Подумавъ и крѣпко пожалѣвъ обо мнѣ, они сказали: «напрасно ты, другъ и братъ нашъ, къ намъ пришелъ: отъ насъ тебѣ

помощи не можетъ быть никакой; мы здѣсь не въ такомъ мѣстѣ и не въ томъ положенiи; да мы же и приняли присягу служить вѣрою и правдою.» Старшiй изъ нихъ къ этому прибавилъ: «другъ и братъ мой! зачѣмъ ты сюда пришелъ? Теперь ты погибъ вторично. Я не могу даже тебя отпустить: я долженъ представить тебя начальству.» Прочiе стали просить его за меня, хотя и сами были въ большомъ страхѣ и не знали, что начать; онъ же сказалъ имъ: «не могу», ударилъ себя кулакомъ въ грудь, отошелъ къ окну и отвернулся. Одинъ изъ молодыхъ махнулъ мнѣ рукой, и я поспѣшно вышелъ.

Между тѣмъ, вѣроятно, не однимъ имъ сдѣлалось обо мнѣ извѣстно: когда я проходилъ по двору, то черкесы собрались у оконъ, и одинъ изъ нихъ со мною заговорилъ; вслѣдъ затѣмъ вышелъ трубачъ и велѣлъ мнѣ воротиться. Меня встрѣтилъ офицеръ и сталъ опрашивать; я сказалъ, что я бѣдный человѣкъ, прiѣхалъ сюда изъ Грузiи съ однимъ купцомъ и живу у него въ работникахъ. «Неправда, сказалъ онъ: — ты

Асанъ джигитъ, тебя знаетъ вся Куба.» Народъ собрался около насъ, и онъ велѣлъ взять меня подъ караулъ.

Тутъ прибѣжали ко мнѣ нѣсколько человѣкъ изъ служивыхъ персіянъ и стали меня спрашивать; а я молчалъ. «Что жь ты, другъ любезный, не отвѣчаешь, говорили они: — мы пришли жалѣя тебя и хотѣли тебѣ сдѣлать добро.» Я отвѣчалъ: «нѣть, видно, мнѣ здѣсь добра не видать; когда ужь земляки мои не могли меня спасти, то ваши братья, продавшіе меня и тамъ, здѣсь не выкупятъ.»

Тутъ пришелъ офицеръ, съ бумагою и чернилицей, и сталъ говорить ласково: «скажи, любезный другъ, куда былъ сосланъ и какъ сюда попалъ? говори правду и судьбы своей никогда не бойся: мы станемъ за тебя просить начальство.» Я молчалъ; онъ настаивалъ. Наконецъ я сказалъ: «судьбы своей я не боюсь, хотя въ третій разъ погибаю отъ своихъ братій; но хвастуновъ я не люблю: твоя просьба у начальства гроша не будетъ стоить. Отойди отъ меня прочь: тебѣ я отвѣту не дамъ; а

ведите меня куда слѣдуетъ: тамъ пусть спрашиваютъ.» Затѣмъ я выхватилъ ножъ изъ–за голенища, ударилъ имъ изо всей силы, сломалъ его и бросилъ, чтобъ не было грѣха.

Пришли двое земляковъ и принесли обѣдъ и водку. Я сказалъ, что водки не пью, но отъ хлѣба–соли не отказываюсь. Я взялъ кусокъ въ ротъ; но слезы полились, и я не могъ ѣсть. Сжалившись надо мною, они было одумались, закричавъ: «пропадать, такъ пропадать вмѣстѣ! изрубимъ тѣхъ, которые его выдали. Кому и какъ мы дома на глаза покажемся?...»

Къ счастію, скоро пріѣхалъ начальникъ ихъ, взялъ меня къ себѣ и разговаривалъ со мною за полночь. Я самъ понялъ, что тутъ дѣлать было нечего. Человѣкъ не булавка: его такъ не схоронишь... Онъ отправилъ меня на съѣзжую, и я показалъ себя изъ числа плѣнныхъ лезгинъ, взятыхъ при нападеніи на Кизляръ, — сказалъ, что бѣжалъ съ дороги, неизвѣстно откуда, потому что я тогда не зналъ по русски и не зналъ названія русскихъ городовъ, я также

не могъ знать ни имени конвойныхъ офицеровъ, ни направленія и назначенія партіи нашей, — словомъ, я бѣжалъ неизвѣстно откуда, неизвѣстно куда и неизвѣстно гдѣ шатался.

Въ полиціи сидѣлъ я три мѣсяца, и со мною случился арестантъ, человѣкъ смирный, пожилой и набожный. Мы подружились. Онъ сталъ учить меня русской грамотѣ и разсказывалъ, какъ христіанская вѣра пріятна Богу. Тутъ родилась у меня первая мысль о томъ, чтобы креститься, и я подумалъ, если бы Господь освободилъ меня отъ этой напасти, то я бы остался навсегда въ Россіи; нищенство и вѣчная рѣзня въ горахъ нашихъ мнѣ теперь были противны; я сталъ понимать, что человѣкъ не долженъ жить, какъ живетъ звѣрь.

Я велъ себя очень смирно, и приставъ меня полюбилъ. Попросивъ однажды, по моей просьбѣ, чтобы эфенди навѣстилъ меня, онъ сказалъ ему: «Мнѣ, право, жаль этого человѣка: такого смирнаго и добраго арестанта я и не видалъ. У васъ есть много

знакомыхъ: вы бы за него постарались. Его, какъ плѣннаго, можно бы отпустить, хоть на поруки; ему тутъ на чужбинѣ уйти и дѣваться не куда.» Эфенди отвѣчалъ: «у насъ скоро будетъ праздникъ, а у меня гости: отпустите его тогда ко мнѣ.» Приставъ это исполнилъ, и эфенди одѣлъ меня въ черкесское платье, далъ денегъ, и приставъ порадовался за меня, когда я пришелъ къ нему въ хорошемъ платьѣ. Вскорѣ отпустили меня на поруки, но черезъ мѣсяцъ опять вытребовали, отпуская, однако же, иногда на честное слово, и я свято его сохранялъ. Затѣмъ отослали меня въ Управу. Тамъ сидѣлъ я три мѣсяца. Дѣло рѣшалось было тѣмъ, что если земляки мои подпишутся, что я точно такой–то изъ кизлярскихъ плѣнныхъ, то буду отпущенъ; но они не могли этого сдѣлать, хоть и жалѣли обо мнѣ, и сказали, что онъ–де знаетъ четыре языка: турецкій, персидскій, татарскій и лезгинскій, и не беремся рѣшить, какой онъ уроженецъ. Меня отправили въ городскую тюрьму. Вскорѣ вышелъ милостивый манифестъ, по

которому и меня было вызвали; но горю моему не пришелъ еще конецъ: тутъ отпускали только арестантовъ гражданскихъ; меня опять оставили, а потомъ перевели въ крѣпость, гдѣ я съ прочими арестантами ходилъ на работу. Много я благодаренъ доброму плацъ–майору, который защитилъ меня отъ другихъ, недобрыхъ людей....

Такъ прошло еще семь мѣсяцевъ, и меня передали гражданскому суду, переведя опять въ городскую тюрьму. Сюда по праздникамъ приходилъ одинъ господинъ и раздавалъ намъ духовныя и нравственныя книги. Отъ страшной скуки и тоски я принялся читать ихъ съ большимъ вниманіемъ и размышленіемъ. До этого времени мнѣ часто приходило въ голову, что еслибъ Богъ привелъ мнѣ возвратиться на родину, то ужь я бы, не щадя себя, выместилъ злую судьбу свою на своихъ врагахъ и предателяхъ, а особенно на двухъ братьяхъ–персіянахъ, которые меня такъ безбожно продали. Эта дума схватывала меня иногда по ночамъ, и у меня горѣло

сердце. Теперь же я сталъ замѣчать, съ нѣкотораго времени, что злоба мести во мнѣ угасала; я пересталъ желать зла врагамъ своимъ, хотѣлъ вынести со смиреніемъ все на себѣ, и мнѣ стало легче: сердце мое не жгло меня. Когда я замѣтилъ это, то сказалъ рѣшительно: «я хочу креститься.»

Услышавъ это отъ меня, тотъ же господинъ пріѣхалъ съ одной извѣстной вельможей, вызвали меня, говорили и распрашивали долго и, похваливъ, обѣщались вскорѣ исполнить мое желаніе. Пріѣхавъ вторично на первой недѣлѣ Великаго поста и бывъ моими воспріемниками, они крестили меня въ тюремной церкви.

Въ іюлѣ потребовали меня въ Уголовную Палату и прочитали мнѣ рѣшеніе: я освобождался отъ суда, могъ избрать любой родъ жизни и приписаться куда хочу.

Я вышелъ, оглянувшись на улицѣ кругомъ, смотрѣлъ на встрѣчныхъ и проходящихъ и долго не могъ опомниться,

что я теперь свободный человѣкъ. Мнѣ все еще казалось, что каждый изъ этихъ людей можетъ снова начать меня допрашивать и посадить въ заточеніе. Я пошелъ къ благодѣтельницѣ своей, которая отправила меня въ свою вотчину, въ должности смотрителя, приказавъ управляющему обходиться со мною хорошо и учить меня, какъ жить и обращаться съ людьми. Мнѣ было привольно, должность свою я исполнялъ какъ могъ лучше; но сердце мое не было спокойно: я ходилъ подъ какимъ–то страхомъ. Дворовые люди не взлюбили меня, за строгую исполнительность мою и за правдивость: что я видѣлъ, то и говорилъ.

Однажды я отъ имени управляющаго отдавалъ приказаніе, а мнѣ на это отвѣчали бранью и угрозами; я настоятельно потребовалъ исполненія, и одинъ, кинувшись на меня, схватилъ за грудь и сталъ дергать. Я вспыхнулъ, во мнѣ проснулся прежній Асанъ, и я, схвативъ этого человѣка, приподнялъ его и ударилъ обземь, такъ что онъ съ часъ лежалъ на

мѣстѣ. Мнѣ эта жизнь не взлюбилась: видно, я не на то родился. Я тотчасъ же воротился опять въ Петербургъ, задумавъ итти въ военную службу. Когда я объявилъ объ этомъ крестной матери моей, то она спросила: «куда же ты желаешь?» Я отвѣчалъ: «въ конницу, въ казаки.» Она попросила къ себѣ одного полковника, который, распросивъ меня, велѣлъ писарю написать просьбу, которую я подписалъ и подалъ.

Прошло съ мѣсяцъ времени, и я былъ въ Казанскомъ соборѣ у обѣдни, гдѣ говорилась проповѣдь о томъ, что Господь видитъ сердца человѣческія, знаетъ всѣ дѣла наши и мысли, и какъ Онъ милуетъ кающагося грѣшника и какъ будетъ судить закоснѣлаго. Священникъ говорилъ очень внятно, а я стоялъ близко и не проронилъ ни одного слова. Выходя изъ церкви, я задумался. Я призналъ себя грѣшникомъ и преступникомъ закоснѣлымъ. На меня напалъ страхъ. Я остановился на паперти, чтобъ притти въ себя, въ ту же минуту рѣшился что дѣлать и успокоился. «Когда я

былъ еще дикимъ горцемъ и не христіаниномъ — подумалъ я — то плоти и тѣла своего не щадилъ, никакой тѣлесной боли не боялся и презиралъ всякую опасность; теперь же, просвѣтившись и причастившись Христа, буду ли я подлымъ трусомъ и обманщикомъ передъ Богомъ и Царемъ? Нѣтъ, не буду.»

Я сталъ на колѣни передъ крестной матерью и сказалъ: «виноватъ.» Она испугалась и спросила: «что съ тобой? не убилъ ли ты кого?» «Нѣтъ, отвѣчалъ я: — но совѣсть во мнѣ проснулась. Я оболгалъ и васъ и начальство: я бѣжалъ не изъ плѣнныхъ, а изъ солдатъ финляндскихъ батальоновъ. Не хочу жалѣть себя. Прикажите мнѣ объявить объ этомъ начальству; пусть берутъ меня и судятъ. Я переносилъ много, перенесу и это.»

Черезъ нѣсколько дней она послала меня въ Казанскій соборъ и велѣла долго молиться передъ иконой Скорбящей Божіей Матери; она же въ самое это время просила за меня у властей земныхъ. Когда я воротился, то благодѣтельница встрѣтила

меня вѣстію, что я прощенъ, отъ суда и наказанія избавленъ, но сейчасъ же долженъ отправиться на службу въ свой батальонъ, на два года. Я свѣтъ увидѣлъ. Спокойнѣе и радостнѣе этого дня у меня не бывало.

На проѣздъ въ Выборгъ мнѣ попался подводчикомъ сынъ той самой старухи, которая приняла меня въ ночи едва живаго отъ голода и накормила. Я былъ при деньгахъ и далъ ему пять цѣлковыхъ. Прибывъ на мѣсто, я прямо отправился въ казармы и въ сѣняхъ встрѣтилъ фельдфебеля, который такъ удивился мнѣ, что не вѣрилъ своимъ глазамъ. «Откуда ты?» спросилъ онъ. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ изъ отпуска. Тутъ жандармъ подалъ конвертъ, вышелъ ротный командиръ, который случился тутъ на ученьи. Пошли къ батальонному командиру; онъ прочиталъ бумагу, вышелъ ко мнѣ и сказалъ: «Ну, братъ Асанъ, я тебя любилъ и берегъ, а ты меня больно обидѣлъ.» Я отвѣчалъ, что прошлаго не воротишь, а впередъ буду стараться изо

всѣхъ силъ; но что, впрочемъ, судьба моя привела меня къ моему счастью. «Признаюсь, сказалъ майоръ: — что такого случая, вѣроятно, еще и на свѣтѣ не было. Въ какую ты роту желаешь?» «На старое мѣсто, ваше высокоблагородіе!»

Въ казармахъ прошла уже обо мнѣ молва, и когда я пришелъ туда, то меня окружили, и распросамъ не было конца. Я принялся за службу, чтобы служить такъ, какъ велятъ Богъ и Государь; а не прослуживъ и двухъ лѣтъ, я былъ переведенъ въ гвардію. Молю Бога за Царя и за моихъ благодѣтелей.

В. ДАЛЬ